

18+

АВРОРА

Даниил Чечелев

Даниил Чечелев

Аврора

«Издательские решения»

Чечелев Д.

Аврора / Д. Чечелев — «Издательские решения»,

«Аврора» — мистический триллер о грани между реальностью и безумием. О дружбе, предательстве и душах, обречённых вечно блуждать между миром живых и мёртвых. Усадьба Ланкастеров хранит тайны страшнее, чем смерть. И у каждой тайны есть имя.

Содержание

Предисловие	6
Глава первая: Ворота Ланкастеров	8
Глава вторая: Ангел с чёрными крыльями	21
Глава третья: Карнавал	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Аврора

Даниил Чечелев

© Даниил Чечелев, 2026

ISBN 978-5-0070-3138-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Война, разрушившая почти всю Европу, завершилась в мае 1945 года, но её последствия отголосками будут звучать ещё многие годы. Вторая мировая война оставила за собой жуткие руины, разрушенные города, миллионы погибших и разрушенные жизни. Германию, как сердце агрессии и тоталитаризма, разделили на зоны оккупации: Советский Союз забрал Восток, Великобритания и США — Запад. Но, несмотря на поражение, идеи, которые пропагандировал нацистский режим, продолжали существовать в тени. Ведь не все учёные, не все исследователи и не все политики были готовы так просто отказаться от того, что они считали «научным прогрессом» и «национальным долгом».

Немецкие учёные, вовлечённые в работы нацистов, оказались в сложной ситуации: с одной стороны, они стали частью системы, а с другой — они были отвергнуты новой послевоенной Европой, обвинённой в нарушении всех моральных норм. Но многие из них, несмотря на позор и потерю поддержки, продолжали искать пути для своего возвращения к работе. Боясь суда и преследования, они поспешно покинули разрушенную Германию, часто ночами, скрываясь под масками и фальшивыми документами, направляясь в страны, которые были не так ярко вовлечены в послевоенное восстановление. Некоторые направились на Восток, где Советский Союз активно искал специалистов для своих научных программ. Другие — в Южную Америку, где нацистские организации ещё долго находили убежище.

Именно в этот момент, в 1947 году, несколько учёных и их сторонников нашли поддержку в Англии. После окончания войны она стала местом, где можно было заниматься научными исследованиями, не опасаясь вмешательства властей. Усилиями тех, кто не был готов оставить прошлое, здесь был создан небольшой научный центр, который официально был представлен как образовательное учреждение для молодых людей, однако настоящая цель оставалась скрытой. Эксперименты, которые касались не только науки, но и более мрачных, неоправданных направлений, таких как управление человеческим сознанием, манипуляции психикой и изучение границ реальности. Но здесь, в этом новом убежище, они не только продолжили свои эксперименты, но и обосновались среди таких же беспокойных умов, которые видели в войне шанс на перерождение мира.

Так началась история новых исследований, которые ещё долго оставались скрытыми от официальных органов. Усилиями тех, кто пережил войну и находит в себе силы продолжить свои исследования, эти тёмные программы обрели вторую жизнь, несмотря на то, что сама война была давно завершена. Учёные, скрывавшиеся в своём укрытии, продолжали работать, но с каждым годом их проекты становились всё более рискованными и амбициозными. Тайны их работы начали постепенно выходить наружу. В 1948 году, спустя три года после окончания войны, на свет появились первые слухи о странных событиях, которые происходили в уединённых уголках Англии. Истории о необъяснимых исчезновениях, необычных явлениях и таинственных учёных, прячущихся от властей, начали распространяться в узких кругах.

Эти учёные, посвятившие себя изучению скрытых глубин разума и физиологии, вновь нашли способы манипулировать поведением человека и даже воздействовать на его восприятие реальности. Несколько раз правительство пыталось найти их, разыскать эти «учёные группы», но на пути стояли не только скрытность и мистификация, но и все тот же страх, который царил в обществе, когда нацистские учёные стали синонимом опасности и моральной разрухи. Лаборатории этих учёных оставались за пределами досягаемости, а сами они скрывались в тени. Разговаривали только с теми, кто мог быть их сторонниками или кем-то, кто их поддерживал. Учёные словно исчезали — исчезали, но оставались идеи, которые они пытались воплотить. Никто не мог понять, кто именно стоял за этим. Были предположения, что некоторые учёные могли быть пойманы и вывезены в другие страны, где их работы продолжались

под грифом «государственная тайна». Однако, сам факт, что они так легко исчезли, не оставив следов, только порождает больше вопросов, чем ответов.

Глава первая: Ворота Ланкастеров

Осень 1953 год. Ночь была холодной и пронизывающей. Листья, колыхаемые ветром, шуршали за окнами. Виктор проснулся от звуков, доносящихся с нижних этажей. Голоса, шаги, что-то неопределённое, беспокойное. Он открыл глаза, пытаясь понять, что происходит. В комнате стояла тишина, за исключением лёгкого потрескивания старой деревянной рамы, которую было слышно даже в тёмной ночи.

Он потёр глаза, стараясь проснуться окончательно. Стукнув ладонями по простыне, парень подскочил с кровати. Интуитивно он почувствовал, что-то не так. Спустившись по лестнице, он ощутил, как его сердце забилось быстрее, а дыхание стало поверхностным. На кухне царил суета: его мать, спешно перемещаясь по комнате, с чем-то в руках, не замечая его присутствия. Странное молчание, полное напряжения, висело в воздухе. Виктор замер, не в силах произнести ни слова.

— Мам, — тихо сказал он, но она не услышала.

Он подошёл чуть ближе и повторил, теперь громче:

— Мам!

Она резко вздрогнула, очнувшись от глубоких раздумий, и повернулась к нему. Её лицо было бледным, а глаза — тревожно расширены.

— Что происходит? — спросил Виктор.

Мать, не встретив его взгляда, быстро подошла к нему, потянулась и поцеловала его в макушку. Этот её жест был едва ли не единственным проявлением мягкости, но его не хватало, чтобы рассеять напряжённость. Она посмотрела в окно, как проверяя, нет ли кого-то за дверью.

— Иди собирайся. Мы уезжаем, — сказала она, едва шевеля губами.

— А где отец?

— В кабинете, — ответила она, не останавливаясь, продолжая суетиться, — Тоже собирается.

Затем она подошла к нему ещё ближе, её руки на его плечах казались тяжёлыми, мир рушился на него. Она наклонилась к его уху и, прижимая к себе, произнесла тихо:

— Послушай, Виктор, даже если мы уедем и кто-то начнёт расспрашивать... Ничего не отвечай. Ты меня понял?

Он кивнул, но в его голове рождались сотни вопросов. Почему они уезжают? Кто будет спрашивать? О чём будут спрашивать? Всё это ощущалось каким-то странным, почти чуждым, как он попал в мир, где все законы были изменены, а реальность соскальзывала в нечто нереальное.

— Да... — сказал Виктор, но его голос звучал как эхо, глухое и пустое.

Мать, не оборачиваясь, направилась к двери, и он понял, что не сможет получить ответа. Он тяжело вздохнул и, не споря, покинул кухню. Ступая по скрипучим полам, он дошёл до лестницы и остановился. Из кабинета, где всегда царил полумрак и порядок, теперь исходил тусклый свет. Мелькали тени, как кто-то торопливо двигался туда-сюда. Виктор замер на мгновение, его мысли стали путаться. Что же происходит? Почему он так не может понять происходящее? Виктор подошёл к двери кабинета, тихонько приоткрыл её и заглянул внутрь. Сначала ему показалось, что всё было в порядке — тот же уютный беспорядок, типичный для отца. Но как только он шагнул чуть ближе, его взгляд застыл. Бумаги валялись на полу, словно их кто-то раскидал в спешке. Отец, казалось, был поглощён поисками среди этих бумаг, его лицо было напряжённым, а глаза — остекленевшими от волнения.

— Отец? — Виктор произнёс имя с лёгким дрожанием в голосе, не решаясь войти. Но тот моментально повернулся и замер. Его лицо исказилось от страха, словно увидав привидение.

— Виктор... — его отец прервал попытку что-то сказать, и тут же подошёл на коленях к сыну. Его лицо было озабоченным, напряжённым. Виктор понял, что происходящее было чем-то гораздо большим, чем он мог себе представить.

— Мама напугана. Она сказала мне собирать вещи. Мы уезжаем навсегда?

Отец взглянул на сына с горьким выражением, вздохнул и ответил, будто не видя иного выхода.

— Да, сынок. Нас нашли.

— Кто нашёл?

— Послушай. — Им нужны мои работы. Им нужны мы.

— Работы? — Виктор не мог понять, о чём речь. — О чём ты говоришь? Над чем ты трудишься, и что ты создаёшь?

— Да, — отец взглянул на сына. — Послушай, Виктор, они опасные люди. И если мы не уедем сейчас, они найдут тебя тоже.

— Зачем я им нужен? — он не понимал, почему он вдруг оказался в центре этой тайны.

— Ты особенный, Виктор. В тебе есть то, чего нет в других. Когда мы покинем Англию, я всё тебе расскажу и покажу. Скоро ты будешь работать вместе со мной. Ты посвятишь свою жизнь этим идеям.

— Но если я не захочу? — голос Виктора стал почти шепотом. — Что если мне не понравится эта идея?

Отец опустил голову, его взгляд стал пустым и усталым, как у человека, который слишком много раз скрывался от судьбы. Он кивнул, как бы соглашаясь с мыслями сына, и сказал:

— Иди собирай вещи, Виктор. Нам нужно уехать сейчас.

Словно в замедленной съёмке Виктор отстранился от отца, оставив его продолжать копаться в бумагах. Он не понимал всего происходящего, но чувствовал, что у него не было выбора. Повернувшись, он поднялся наверх, собрал все, что мог: несколько личных вещей, важные бумаги, фотографии. Всё, что могло бы напомнить ему о прежней жизни.

Когда он спустился вниз, мать уже ждала его у двери, держась за пальто.

— Вот, надень — На улице дождь, — добавила она, и, не дождавшись ответа, помогла ему надеть пальто.

Отец уже стоял у двери, готовый выходить.

— Все садимся в машину.

Они сели в машину, и двигатель загудел, прорвав ночную тишину, он повернулся и взглянул в окно. Его дом, в котором он родился и вырос, с каждым метром становился всё более чужим. Он видел, как стены, окна, всё, что было частью его жизни, постепенно исчезало вдалеке. Его прошлое растворялось в этом осеннем дождливом ночном воздухе.

В машине было тесно, воздух пропитан напряжением. В окна бился сильный ливень, его струи ударялись по стёклам, как оглушительные удары молота. Дождь стучал по кузову, создавая невыносимый шум, который мешал даже говорить нормально. Виктор сидел на заднем сиденье, ощущая, как каждый рывок машины выводит его из равновесия. За рулём ругался отец, пытаясь справиться с дорогой, которая становилась всё более скользкой. Мать, сидя рядом, сжимала руки на коленях, но её глаза были полны страха.

— У нас появился шанс, — говорила она, её голос был напряжён и полон эмоций. — Мы можем начать новую жизнь. Но твои амбиции, твои идеи... из-за них нашему мальчику грозит опасность.

— Хватит! — резко ответил отец, сжимающий руль. — Мы оба дали обет, что закончим то, над чем трудимся. Послушай меня, скоро всё это закончится. Всё будет нормально.

Мать вскрикнула:

— Мне всё это надоело! Ты не понимаешь, как это нас пугает!

— Всё, хватит! — крикнул отец, уже срываясь. — Ты пугаешь Виктора!

Виктор сидел, не вмешиваясь в ссору. Через то, что происходило в машине, ему стало яснее, что он не понимает ни слов, ни решений своих родителей. Они были так поглощены своими мыслями, что не замечали его страха. Взгляд Виктора устремился на мокрые окна, и он наблюдал, как дождь смешивается с туманом, а ветви деревьев вдалеке расплываются в неясной темноте.

Внезапно сзади появился свет. Яркие фары пробивали ночную мглу, и машина начала набирать скорость. Виктор вздрогнул, когда понял, что преследуют их.

— Вот чёрт! — пробормотал отец, заметив машину позади.

Мать впала в ещё большую панику.

— Они нашли нас! Сделай что-нибудь!

Отец с усилием вдавил газ в пол, и машина рванула вперёд. Но их преследователь не отставал. Колёса скользили по мокрой дороге, а впереди тянулся только тёмный путь, покрытый дождём и туманом.

— Я пытаюсь! — крикнул отец.

Но преследующая машина продолжала держаться у них на хвосте. Виктор видел, как колёса их машины начали скользить. Сначала это было небольшое движение — машина чуть обняла поворот, но потом начался настоящий занос. Отец резко повернул руль, и машина, как играя с землёй, начала скользить влево. Но на следующий момент, всё случилось слишком быстро. Машина вновь поймала дорогу, но её занесло. Виктор почувствовал, как кузов качнулся, и его сердце забилося быстрее. Машина сделала ещё один неожиданный манёвр, а затем с резким толчком вылетела с дороги.

— Чёрт! — выкрикнул отец.

Машина полетела вниз в овраг, и Виктор, кажется, услышал, как скрежет металла смешивался с треском. Всё происходило так быстро, что Машина всё ещё переворачивалась, её колёса прыгали по земле, как мяч, а затем, когда она ударилась о землю, Виктор почувствовал сильный толчок, и всё замерло. Он был пристёгнут ремнями безопасности, но всё равно его тело отбросило назад. Стёкла машины лопнули, а уши заполнил звук жужжания. В последний момент Виктор увидел, как его родители, взялись за руки, а затем... тьма.

Прошла неделя. В небольшом городке Хемптоне раздались привычные колокола: ровно в 9:45 они пробили привычный ритм, напоминая жителям о старых традициях. Небо над городом было тяжёлым, свинцово-серым, изредка по улицам пробегали капли дождя. Тучами нависло что-то непонятное, словно предчувствие событий, которые ещё не наступили.

По мокрым лужам равномерно щёлкали каблуки. Женщина шла, держа в руках зонтик, и внимательно сверяла адрес на листке бумаги, опасаясь ошибиться. Дойдя до двухэтажного дома, она слегка замерла, оценивая его величие и атмосферу. Когда она поднималась по ступеням, внезапно показалось, что кто-то за ней наблюдает. Она резко повернулась в сторону соседнего дома и увидела девушку, которая едва мелькнула в окне, а затем мгновенно закрыла шторы. Женщина на секунду замерла, но тут же дверь перед ней открылась, и из дома вышла горничная.

— Миссис Мария, добрый вечер! Входите, пожалуйста, — мягко произнесла она.

Мария ещё раз обернулась к окну, где видела девушку, но теперь там уже никого не было. Женщина глубоко вдохнула, переступая порог дома. Она отряхнула зонтик, сняла пальто и передала его горничной.

— Вас уже ждут наверху, — сообщила горничная, указывая рукой на лестницу.

— Благодарю, — кивнула Мария. — Дальше я сама.

Они обменялись лёгким взглядом, кивнули друг другу, и пути их разошлись. Мария медленно поднялась по лестнице, рассматривала большие портреты и пейзажи, развешанные вдоль стен. На втором этаже коридор был почти погружён во тьму. Тусклый свет горел лишь в одной

комнате, как сам дом приглашал Марии пройти туда. Мария осторожно открыла дверь и вошла в комнату. Внутри уже находились трое людей.

В центре стоял небольшой стеклянный стол, поверхность которого была покрыта старыми свитками и бумагами. За столом стоял большой диван, а нём расположился человек, от которого веяло авторитетом и одновременно внушительным размахом.

— Добрый вечер, Мария... Хотя, какой тут добрый, с такой погодой? — прохрипел мужчина на диване. — Сплошная мрачность.

Это был заместитель министра Уинстона Черчилля, Клиффорд Булстроуд. Его крупное тело занимало почти весь диван, а губы блестели жиром от вчерашнего обеда. Он выглядел одновременно властным и слегка отвратительным.

— Добрый день, — ответила Мария, сдержанно кивнув. — Действительно, погода соответствует обстановке.

— Последние события вызывают тревогу и недовольство, — вмешался молодой человек, стоявший у окна. Он медленно делал глоток виски из стакана, длинные чёрные волосы слегка спадали на плечи, а тонкая бородка придавала ему строгий, почти суровый вид. — И кажется, сама погода отражает эти тёмные переживания.

— Присаживайтесь, Мария, — продолжил Клиффорд, немного наклонившись вперёд. — У нас есть что обсудить. Мария подошла и села напротив него, осторожно положив руки на колени.

— Вы же знаете, что дело закрыто, — продолжил Клиффорд Булстроуд.

— Вы сами понимаете, это был несчастный случай.

Он кивнул, но его взгляд оставался внимательным.

— Погибла девочка, Мария, — холодно произнёс третий человек, стоявший у камина. Он протянул руки к огню, пытаясь согреться, хотя в комнате было тепло. — И нам ещё повезло, что она была сиротой. Иначе престиж школы рухнул бы окончательно. А всё из-за вашей... скажем так, упрощённой внимательности к детям.

Он был невысокого роста, в слишком большой шляпе, с аккуратно подстриженной бородкой и усами. Брюхо слегка выпирало из-под жилета, а на затылке виднелась залысина. Это был человек, отвечавший за финансы, и говорил он сухо, как бухгалтерский отчёт.

— Я понимаю, что вы меня вините, — спокойно ответила Мария. — Но я говорила об этом ещё раньше. Девочка была больна, она была не в себе.

Клиффорд Булстроуд тяжело усмехнулся.

— Что вы, Мария, никто вас не обвиняет, — сказал он с притворной мягкостью. — Прошу, возьмите чашечку чаю. Пока он горячий.

Он налил чай и медленно пододвинул блюдо к ней. Мария прекрасно понимала: отказаться — значит подписать себе приговор.

— Спасибо, — тихо произнесла она.

Молодой человек у окна допил виски, поставил стакан на подоконник и тут же налил себе ещё.

— Мария, — произнёс он, не оборачиваясь, — вы слышали о недавнем происшествии?

— Да. — Именно поэтому я здесь.

Он повернулся к ней, его взгляд был внимательным и острым.

— И что вам известно?

— Родители погибли в автокатастрофе. Мальчик выжил. Он пришёл в себя, переломов нет, лишь ссадины. Через несколько дней его выпишут.

— Ясно, — сказал Клиффорд.

— Мальчика мы отправим к вам, — продолжил он. — Вы станете его опекуном до совершеннолетия.

— Почему я? — впервые в её голосе прозвучала тревога.

— Потому что вы у нас в долгу, — вмешался молодой мужчина. — После... случившегося.

— Всё верно, — подтвердил Клиффорд.

Человек у камина отвернулся от огня.

— Его семья внесла значительный вклад, — сказал он. — Наследство принадлежит наследнику. Чек я пришлю позже.

Мария молчала. Она понимала, что выбора у неё нет.

— И знайте, — добавил Клиффорд, повернувшись к ней, — если ещё один инцидент повторится, мы вам уже не поможем. Тогда нам придётся с вами расстаться.

Он указал на неё сигарой и резко потушил её о пепельницу.

— Совещание закрыто.

Огонь в камине тихо потрескивал. Мария поднялась, ощущая, как холод пробирается под кожу. Она ещё не знала имени мальчика. Но уже понимала: его появление изменит всё.

Прошло несколько дней после того совещания. Начался новый семестр. В усадьбы школы снова съезжались студенты — возвращались после каникул, чтобы учиться и жить за высокими стенами старого поместья. Попасты сюда было почти невозможно: в основном здесь обучались дети богатых и влиятельных семей. Но существовали и исключения. Среди ухоженных коридоров и строгих классов жили сироты — одни ждали, когда за ними придут новые родители, другие просто считали дни до совершеннолетия, чтобы наконец стать хозяевами собственной жизни.

После той страшной аварии Виктора забрали из больницы тихо, без лишних разговоров. Его посадили в машину, и почти всю дорогу он проспал. Во сне к нему снова и снова приходили родители: обрывки голосов, руки, лица — всё растворялось, как туман, но не исчезало до конца.

— Мы подъезжаем, — произнёс шофёр.

Виктор вздрогнул и открыл глаза. Перед ним возвышались огромные кованые ворота, а за ними — массивное здание усадьбы. Оно казалось чужим и одновременно притягательным. Машина остановилась. Прошло несколько секунд, прежде чем ворота медленно распахнулись. По обе стороны стояли стражи в аккуратных мундирах, их лица были неподвижны, почти каменные. Машина тронулась вновь. Виктор молча смотрел в окно. Перед ним проплывал фасад усадьбы, ухоженный сад с аркой, аккуратные дорожки, поля для верховой езды, где спокойно стояли лошади. Когда машина подъехала к центральному входу, на широкой лестнице уже ждали. Дверь открылась, Виктор вышел и на растерянно огляделся. Его взгляд остановился на женщине, стоявшей впереди. Миссис Мария видела перед собой, длинного парнишку, с немного черными, большими, волнистыми волосами. Глаза были выразительно зелёными.

— Добро пожаловать, Виктор, — произнесла Мария.

Её голос был спокойным, но в глазах читалась осторожность. Шофёр молча достал чемоданы из багажника и поставил их рядом с Виктором.

— Спасибо. Это всё, вы можете ехать.

Шофёр кивнул, сел в машину и вскоре исчез за поворотом аллеи.

Рядом с Марией стоял молодой курсант в форме, такой же, как у стражей у ворот. Он держался прямо и смотрел перед собой.

— Подрик, возьми чемоданы Виктора.

Подрик без лишних слов подошёл, взял чемоданы и ждал дальнейших указаний.

— Можешь звать меня миссис Мария. — Я директор этой школы.

Виктор ничего не ответил, а лишь продолжал молчать

— Следуйте за мной.

Виктор и Подрик на мгновение переглянулись — короткий, почти странный взгляд, словно между ними уже существовало немое понимание. Затем Виктор двинулся вслед за Марией, а Подрик, подхватив чемоданы, потопился позади.

Внутри здание оказалось ещё более внушительным, чем снаружи. Высокие потолки терялись где-то в полумраке, массивные люстры висели неподвижно, застывшие во времени. Полы были выложены тёмным паркетом. Каждый шаг отдавался глухим эхом, словно стены запоминали чужие голоса. По обе стороны тянулись длинные коридоры. На стенах висели портреты — строгие мужчины и женщины с холодными взглядами, бывшие директора, покровители школы, люди, чьи имена давно стёрлись из памяти, но чьё присутствие всё ещё ощущалось. Воздух пах старой древесиной, книгами и чем-то металлическим, едва уловимым.

— Теперь ты учишься в элитной школе, — произнесла Мария, не оборачиваясь.

— Что-то, не назовёшь эту школу элитной.

— Эта усадьба Ланкастеров, построившим самим бароном Ланкастер, много-много лет назад. Во время войны, усадьбу закрыли, а затем снова открыли, поэтому будь добр относиться к старым вещам с уважением и аккуратностью — Так же, придерживаясь дисциплины. У нас с этим строго.

Виктор молча слушал.

— Форма у всех одинаковая. Её носят здесь все, без исключений. Позже тебе её выдадут. Он усмехнулся уголком губ.

— А что будет, если я нарушу уставы этой школы?

Мария остановилась и повернулась к нему.

— Отчисление. У нас с этим тоже всё строго.

— Отлично, — спокойно ответил Виктор. — Значит, я здесь ненадолго.

Мария чуть приподняла брови.

— И почему же?

— А вы что, не знаете? — Виктор посмотрел на неё прямо. — Я же сирота.

Она несколько секунд молчала, изучая его взгляд, а затем продолжила идти.

— Как раз об этом нам и нужно поговорить.

Они остановились у массивной двери с тёмной табличкой. Мария открыла её и сделала шаг в сторону.

— Проходи.

Виктор вошёл первым. Кабинет был просторным и строгим: большой письменный стол, высокий шкаф с книгами и папками, плотные шторы, сквозь которые едва пробивался серый дневной свет.

Мария зашла следом, Подрик аккуратно поставил чемоданы у стены и остановился у двери, ожидая дальнейших указаний. Мария медленно опустилась в своё кресло за столом. Некоторое время она просто смотрела на Виктора, подбирая слова.

— Присаживайтесь, Виктор.

Он остался стоять ещё секунду, затем сел напротив, выпрямив спину, а Подрик поставив чемоданы возле двери, так и остался там стоять.

— Так... о чём вы хотите поговорить?

Мария тяжело вздохнула.

— Я знаю, что случилось с твоими родителями. Мне очень жаль.

— Их убили, — резко перебил Виктор, не отводя взгляда.

Мария не стала спорить.

— Я подробности не знаю. Но пока ты несовершеннолетний, ты будешь находиться в этой школе. К тому же у тебя появился опекун.

— И кто же они? — в его голосе прозвучала горечь.

— Это я, — спокойно ответила она. Люди с выше назначили меня, быть опекуном.

— И кто эти люди?

— Те, у кого власть в руках.

Виктор замолчал, а Мария продолжала:

— После их смерти всё наследство переходит тебе. Учёбу ты оплачиваешь сам. Деньги проходят через меня — таков порядок.

Виктор усмехнулся.

— Вы, скорее всего, уже успели себе нагрести.

— Мне это не нужно, юноша, — твёрдо сказала Мария. — Кому нужно — те уже взяли.

— Это несправедливо, — глухо произнёс Виктор.

— Во всём этом мире мало справедливости.. — Я понимаю твою боль.

— Откуда вам знать? — резко спросил он.

— Я сама потеряла родителей, — сказала она тихо. — И выросла здесь, в этих стенах.

Она чуть подалась вперёд.

— Послушай, Виктор. Я хочу, чтобы ты знал: если тебе будет плохо — морально или душевно, если понадобится помощь, ты можешь прийти ко мне. Я помогу, чем смогу.

Эти слова ударили сильнее, чем Виктор ожидал. Он вдруг отчётливо понял: он действительно остался один.

— Спасибо, — сказал он после паузы. — Но я сам справлюсь.

— Виктор, — спокойно добавила Мария, — я не собираюсь быть тебе заменой. И уж точно не второй матерью.

— Мне не нужны подачки и помощь от вас, — отрезал он.

Мария откинулась на спинку кресла. В её лице не было обиды — лишь усталое принятие.

— Хорошо. Тогда на этом всё. Завтра начинаются занятия. Подрик проводит тебя в твою комнату. Ты можешь идти.

Он поднялся, молча развернулся и вышел из кабинета. Подрик поспешно схватил чемоданы и последовал за ним. Дверь кабинета закрылась за их спинами, и коридор снова поглотила шум детей.

— Ну и куда теперь идти? — спросил Виктор, оглядываясь.

— Иди за мной, — ответил Подрик.

Только сейчас Виктор по-настоящему услышал его голос. Шепелявый, немного неловкий. И сам Подрик вдруг открылся иначе: широкое лицо, выступающие передние зубы, слегка наивный взгляд. Он казался большим и неуклюжим, но в этом было что-то тёплое, почти детское. По нему сразу было видно — мухи не обидит. Подрик подхватил чемоданы и уверенно зашагал по коридору.

— Жилые отсеки дальше, — сказал он. — Налево — спальни девочек, направо — мальчиков. — Здесь и правда хорошо, вот увидишь. Конечно, бывают хулиганы... но без этого никуда, верно? — он улыбнулся. — Чемоданы я вообще-то не ношу, студенты сами таскают. Но, видимо, ты любимчик миссис Марии.

— Ты, по-моему, не студент, — заметил Виктор.

— Всё верно. Я... эмм... прохожу стажировку. Скоро стану настоящим солдатом.

— И долго тебе ещё?

— Не знаю. Я тут уже год. Скоро второй пойдёт.

— Оу... ясно.

Подрик вдруг оживился:

— Как классно, что мы теперь друзья!

— Что? Друзья? — Виктор удивлённо посмотрел на него.

— Ну да! Если понадобится помощь — сразу ко мне.

Виктор задумался. Если он стажёр... значит, он знает это место лучше многих.

— Слушай, Подрик.

— Да-а?

— А усадьба сильно охраняется?

Подрик слегка нахмурился.

— А что?

— Да так... мысли вслух. Я просто...

— Нам вправо, — перебил он и повернул за угол.

Они пошли дальше, и Виктор продолжил:

— Просто я боюсь. Вдруг кто-нибудь проникнет на территорию.

Подрик остановился у массивной двери, но прежде чем открыть её, тихо сказал:

— Ну... если честно, охрана тут серьёзная.

Он говорил шёпотом, словно стены могли слушать.

— По периметру патрули. У ворот — часовые. Внутри ночью ходят обходы, меняются посты... но не по часам, а как решит старший. Чтобы никто не привык. Свет в коридорах оставляют приглушённым, а двери после отбоя почти все запирают. — Ты же спросил просто так? — спросил Подрик, внимательно глядя на него.

Виктор улыбнулся, немного смущённо.

— Конечно. Зачем мне обманывать такого друга, как ты?

Он понизил голос ещё сильнее.

— Я рад, что мы познакомились. У меня друзей почти не было... да и вообще их не было.

А теперь всё иначе. Я чувствую, что этот год будет особенным.

— Оу... ну, хорошо. Так, теперь куда нам идти?

Подрик хлопнул себя по лбу.

— Ой, да! Всё. Мы пришли. Вот... это твоя комната.

Виктор забрал у него чемоданы, открыл дверь и оглянулся.

— Спасибо, Подрик.

— И тебе спасибо. Ещё увидимся!

Дверь закрылась сразу же. Виктор остался один. Комната была аккуратной, почти безликой: кровать, письменный стол, шкаф, окно с видом на тёмный сад. Он поставил чемоданы на пол и медленно выдохнул, снял пальто и сел на край кровати. Матрас мягко просел под его весом. Виктор провёл ладонями по лицу, закрыл глаза — и в этот момент боль ударила внезапно, резко, словно что-то сжало голову изнутри.

Он согнулся, схватившись за виски. Сначала был лишь гул. Потом — голоса.

Обрывки. Фразы. Холодные, без эмоциональные.

«Пульс в норме».

«Сердцебиение стабильное».

«Он особенный. Не такой, как остальные».

«Процесс займёт время».

«У него и у этой девочки... совпадение крови».

«Операция прошла успешно»».

Голоса наслаивались друг на друга, путались, ускорялись.

Он резко открыл глаза и вдохнул — резко, жадно, словно только что вынырнул из воды. Боль отступила так же внезапно, как и появилась. Сердце билось ровно, тишина снова вернулась.

— Эй... ты в порядке?

Этот голос был другим. Настоящим. Перед ним стоял худощавый мальчишка с растрёпанными волосами и веснушками, разбросанными по лицу, как кто-то небрежно плеснул краской.

— Привет, — сказал он. — Я Уилл. Ты, наверное, новенький.

— Ага... можно и так сказать, — ответил Виктор, выпрямляясь.

Уилл сел напротив, на свою кровать, которая стояла у противоположной стены.

— Наконец-то! Хоть кого-то подселили. Одному вообще не очень жить.

— Придётся тебя огорчить. — Я здесь ненадолго.

— Ты куда то уезжаешь?

— Скорее... уйду.

Уилл поднялся и стал раскладывать вещи в шкафу, освобождая полку.

— Ты, наверное, уже видел охрану, — сказал он как бы между делом. — Здесь солдаты лучшие. Мимо них никто не пройдёт. А если кто-то и пытается... — он на секунду замолчал. — В общем, не советую делать глупости.

Виктор понял, о чём он говорит, но всё же уточнил:

— Делать что?

Уилл медленно обернулся.

— Твоё «ненадолго» звучит как побег.

Виктор резко встал.

— Проболтаешься — и я...

— Воу, воу, полегче, дружище, — Уилл поднял руки. — Разве я похож на болтуна?

Они несколько секунд молча смотрели друг на друга. Виктор сел обратно. Уилл тоже опустился на кровать.

— И что... — Никто не пытался отсюда сбежать?

— Сбежать? — Уилл усмехнулся. — Нет. Это невозможно. Да и зачем?

Виктор опустил голову.

— Мне здесь нечего делать. Мне здесь не место. Моих родителей... их убили. А меня просто закинули в эту тюрьму. И вишенка — директор мой опекун.

— Миссис Мария? — уточнил Уилл.

— Да. В общем... я в полной заднице.

Уилл внимательно посмотрел на него, уже без улыбки.

— Здесь полно таких, как ты думаешь. Богатые дети — да. Но ещё больше сирот. Чьих родителей либо не стало, либо они просто... отказались. Это даже хуже знать, что тебя выбросили.

— Ты тоже сирота?

Уилл покачал головой.

— Не совсем. Меня привезли сюда маленьким. А потом... просто перестали забирать. Бумаги оформили — и всё. Понимаешь, это не просто школа. Это приют под другим именем.

— Мои родители погибли не на войне, — сказал Виктор. — Я был с ними. За нами кто-то гнался. Потом — обрыв.

— Поэтому ты хочешь уйти? — тихо спросил Уилл.

— Да.

— А если не получится? Ты несовершеннолетний. Без документов, без взрослых. Тебя объявят в розыск. А потом... отправят туда, где хуже, чем здесь.

— Я знаю. — Но выбора у меня нет.

— Выбор есть всегда.

— Не в этот раз.

— Тогда удачи тебе в задуманном.

Он протянул руку.

— Как тебя зовут?

— Виктор.

Они пожали друг другу руки.

— А я Уилл, — повторил он с улыбкой. Ты самый не задержавшийся сосед, который у меня был.

— А у меня вообще не было соседей.
Они тихо рассмеялись.

Когда свет в коридоре погас и усадьба погрузилась в ночную тьму, Виктор лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок. Он ждал глубокой ночи. Ночь в усадьбе была не просто тёмной — она была настороженной. Виктор лежал, не шевелясь, и считал удары собственного сердца. Часы где-то вдалеке пробили раз, потом ещё раз. После третьего удара коридоры окончательно вымерли.

Он медленно повернул голову. Уилл спал, отвернувшись к стене, дыхание было ровным. Виктор осторожно сел, натянул куртку, зашнуровал ботинки, стараясь не издать ни звука. Пол под ногами тихо скрипнул — он замер, затаил дыхание. Тишина. Уилл не проснулся.

Он уже взялся за ручку двери, когда за спиной раздался хриловатый шёпот:
— Уже уходишь?

Виктор вздрогнул и обернулся. Уилл смотрел на него сквозь полумрак, приподнявшись на локте.

— Сейчас самое время, — тихо сказал Виктор.

— И что... тебя никак не переубедить?

Виктор покачал головой.

— Прости. Но нет. Прощай.

Он вышел и аккуратно прикрыв дверь. Коридоры были пустыми, длинными, вытянутыми, словно кишки огромного зверя. Свет горел лишь в отдельных нишах, оставляя между ними тёмные провалы. Каждый шаг отдавался в ушах слишком громко. Где-то впереди слышались шаги. Виктор прижался к стене, затаился за колонной. Мимо прошёл солдат — винтовка на плече, шаги размеренные, выверенные, он исчез за поворотом. Виктор пошёл дальше, но почти сразу услышал снова стражу. Пришлось свернуть, потом ещё раз. Коридоры путались, словно специально водили его кругами. Он понял: нужно ждать смены маршрута. Минуты тянулись мучительно долго. Солдат наконец свернул в боковое крыло — и Виктор проскользнул к лестнице.

Первый этаж встретил его холодом и тут он увидел Подрика. Тот стоял у стены, опираясь на музейную алебарду, зевая и едва не клюя носом, Виктор вышел из тени.

— Подрик...

Тот дёрнулся так, что чуть не выронил оружие.

— Ты... ты что делаешь?! — прошепелявил он. — Ты должен спать!

— Прости, — быстро сказал Виктор. — Не могу уснуть. Первую ночь... да ещё и туалет очень хочется.

— Так он же на втором этаже...

Виктор нервно оглянулся.

— Правда? Я заблудился... и вышел сюда.

Подрик почесал затылок.

— Как ты вообще не нарвался на моего напарника... вот блин. Ладно, пойдём, отведу.

Он сделал шаг к лестнице.

— Стой, — резко прошептал Виктор. — Я... я не дотерплю.

Подрик тяжело вздохнул.

— Ладно. Здесь есть.

Он привёл его к двери и остался снаружи.

— Я быстро, — сказал Виктор.

Он вошёл... но вместо кабинки подошёл к окну. Осторожно приоткрыл. Холодный воздух ударил в лицо. Внизу — кусты ухоженные. Он вылез. Ветви приняли его, смягчив падение. Виктор замер, прислушался, ничего. Теперь он двигался иначе. Ни шагов — скольжение. От

куста к кусту, от тени к тени. Холодная земля была влажной после дождя. Виктор затаился в кустах и долго не двигался, прислушиваясь, сердце постепенно замедлилось.

Крики не раздавались, тревоги не было — значит, пока его не заметили. Он выбрался из зарослей и двинулся вдоль стены усадьбы. Территория оказалась гораздо больше, чем он представлял днём. Дорожки уходили в темноту, сад с аркой казался бесконечным, а тени от деревьев превращались в причудливые фигуры. Где-то слышались шаги — не близко, но достаточно, чтобы Виктор каждый раз замирал. Он пробрался к задней стороне. Там был забор. Высокий, с острыми наконечниками. И сразу трое солдат. Один сидел на ящике, двое медленно ходили вдоль линии ограждения, меняясь местами каждые несколько минут. Фонарь периодически выхватывал из темноты кусты и камни.

— Нет. Здесь не пройти.

Виктор отступил и пошёл дальше, стараясь держаться в тени построек. За конюшнями — снова забор. И снова стража. Двое разговаривали вполголоса, третий стоял у калитки. Он обошёл пруды. Вода была чёрной и неподвижной, как зеркало, скамейки пусты. Но и здесь — солдат. Один. Второй. Третий. Смена маршрутов, чёткий порядок, никакого «слепого пятна».

Виктор остановился и сжал кулаки. Усадьба не была тюрьмой — она была крепостью. Он двинулся дальше, медленно, почти бесцельно, запоминая ритм шагов, время остановок, повороты патрулей. Минуты тянулись, ноги начинали ныть, но он не торопился. Он ждал.

Один страж шёл по аллее. Виктор поднял камень и бросил в противоположную сторону. Глухой стук.

— Эй? — пробормотал солдат и ушёл проверять.

Виктор проскользнул дальше.

У стены старой часовни стоял другой — спиной. Неподвижно. Виктор сжал камень, подкрался и ударил, солдат рухнул без звука. Дрожащими руками, он взял его ружьё и двинулся дальше. И чем дальше он ходил, тем яснее становилось одно: задняя сторона охраняется плотнее всего. Боковые — перекрыты постами, служебные выходы — под фонарями. Оставался только один путь. Главные ворота.

Виктор остановился в тени старого дуба и посмотрел в их сторону. Там было светлее, широкая аллея, каменные колонны. И — всего два солдата. Они не ходили. Они просто стояли, иногда зевали. Иногда перекидывались словами. Слишком спокойно. Он понял: именно потому это и единственный выход. Все остальные места закрыты намертво — а здесь делают ставку на показную уверенность.

Виктор глубоко вдохнул.

— Я отойду, — сказал один из стражей. — Отлить.

— Давай, только не на газон, — усмехнулся второй страж, с рыжими волосами. — А то мы будем его стричь, отойди по дальше. Один солдат с рыжими волосами остался охранять.

Виктор вышел из тени.

— А ну... выбросил оружие, — сказал он.

Руки дрожали. Сердце колотилось так что, казалось, его услышат.

— Не делай глупостей, — медленно сказал солдат.

— Я сказал — выбросил!

Оружие упало на землю.

— На колени.

— Что?

— На колени!

Солдат подчинился. Виктор подошёл и ударил прикладом. Тот упал.

— Прости... — выдохнул Виктор.

И тут раздался крик:

— Что здесь происходит?! Стоять! Или стреляю!

Виктор рванул к воротам, бросив ружьё. Он почти перелез... почти. Чьи-то руки схватили его и швырнули назад.

А небо всё так же оставалось тёмным, низким, нарочно скрывало свои намерения — словно и оно не спешило раскрывать, что ждёт Виктора дальше. Когда его потянули назад, один из стражей попытался прижать его к земле. Виктор дёрнулся, оттолкнул его ногой, и тот отлетел в сторону. На мгновение Виктору показалось, что у него есть шанс — он поднялся, развернулся в сторону здания... но дальше всё произошло слишком быстро.

К нему подбежали другие. Удар прикладом сбил его с ног. Он попытался подняться, но сил уже не хватало. Его удерживали, не давая встать, толкали обратно на землю. Виктор чувствовал только тяжесть, звон в ушах и ощущение, что пространство вокруг сжимается. Он падал снова и снова, пытаясь удержаться на ногах, но каждый раз оказывался на земле. Солдаты двигались вокруг него, он стал частью их круга, частью чужой игры, которая длилась ровно до одного короткого приказа:

— Достаточно.

Смех оборвался мгновенно. Виктор лежал, глядя в небо, которое расплывалось перед глазами. Он услышал шаги — уверенные, знакомые. Когда он поднял голову, перед ним стояла миссис Мария.

Он с трудом встал. На этот раз устоял.

— Я знала, что ты сегодня попытаешься уйти. — Поэтому охрану усилили.

— Если вы знали... — голос Виктора был хриплым, — почему не остановили меня раньше?

— Я надеялась, что ты передумаешь. Это было бы разумнее, — она посмотрела на него внимательно. — Ты действуешь на эмоциях. А эмоции — плохой советчик.

— Мне здесь не место, — упрямо сказал он. — Думаете, если я выжил, они просто оставят меня в покое?

— Нет, Виктор. Именно поэтому тебя сюда и отправили. Здесь ты в безопасности.

Она сделала паузу.

— Терпение и умение ждать — одни из самых важных качеств.

Он стоял среди стражей, чувствуя на себе их взгляды. Рядом на земле неподвижно лежал один из солдат — напоминание о том, чем всё могло закончиться.

Мария повернулась к воротам.

— Открыть ворота!

Металл глухо заскрипел. Ворота начали расходиться. Виктор непонимающе смотрел вперёд, в темноту за пределами усадьбы.

— Ты можешь уйти. — Я не шучу.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Но знай: тебя быстро найдут. И тогда у тебя не будет ни выбора, ни защиты.

Виктор молчал.

— Либо ты поступишь иначе, — продолжила Мария. — Тебе семнадцать. Совсем скоро ты станешь совершеннолетним. Ты можешь доучиться, дождаться этого момента и уйти спокойно. Без погони. Без цепей. Без новых ошибок.

Виктор смотрел в раскрытые ворота. Туда, где начиналась неизвестность. Он знал: однажды он всё равно выйдет через них. Но сейчас — не так. Не этой ночью.

Он медленно повернулся и кивнул.

— Хорошо.

— Тогда мы договорились, — сказала Мария. — Закрывать ворота!

Стражи выполнили приказ. Металл сомкнулся с тяжёлым звуком.

— Отведите его к медсестре.

Двое вышли вперёд. Виктор пошёл с ними, не сопротивляясь. Шаг за шагом он возвращался внутрь усадьбы. Мария осталась стоять у ворот, она подняла взгляд к небу. Тучи по-прежнему скрывали звёзды — сама ночь хранила тайны, которые ещё только предстояло раскрыть.

Глава вторая: Ангел с чёрными крыльями

Тучи рассеялись, дожди стихли, но ночь не всегда заканчивается с рассветом. Иногда она лишь меняет форму — растворяется в утреннем свете, оставаясь внутри человека. В его мыслях, в теле. В памяти, которая снова и снова возвращает туда, откуда он так отчаянно пытался вырваться.

Виктор лежал неподвижно и смотрел в потолок. Прошло два дня с той ночи, но для него время остановилось где-то между ударами, криками и распахнутыми воротами. Всё, что происходило после, ощущалось размытым, второстепенным, не имеющим значения. Главное уже случилось. Виктор лежал, глядя в потолок больничного крыла усадьбы, и уже второй день просто думал. Мысли ходили по кругу, возвращаясь туда, куда он не хотел их пускать.

Сквозь высокое окно больничного крыла в комнату проникал солнечный свет. Яркий, непривычный. Лучи ложились на пол, на пустые койки, на белые стены. Комната была почти пуста. Несколько аккуратно заправленных кроватей, металлические тумбочки, запах лекарств и чистоты. За окном усадьба жила своей размеренной жизнью — так, будто прошлой ночью ничего не произошло. Виктор медленно сел на кровать и опустил ноги на холодный пол. Тело отзывалось тупой болью, но она уже не пугала — скорее напоминала о себе, как старая ссадина. Он поднялся и подошёл к окну.

Сад был залит холодным солнечным светом. Осень не спешила отступать — воздух казался прозрачным, почти стеклянным. Где-то внизу слышались голоса студентов. Смех. Обрывки разговоров. Чьи-то шаги по гравийной дорожке. Жизнь продолжалась. Кто-то спорил о занятиях, кто-то жаловался на ранний подъём, кто-то просто радовался редкому солнечному утру. Эти голоса доносились приглушенно, словно из другого мира — мира, в который Виктор пока не был допущен. Он положил ладони на подоконник и задержал взгляд на садовой арке. Спокойствие пугало сильнее, чем ночь. Он долго смотрел вниз, пока солнце не ударило в глаза чуть ярче, заставив его прищуриться.

— Мистер Виктор, вам нельзя вставать, — раздался спокойный голос за спиной.

Он обернулся. У двери стояла медсестра — та самая, что дежурила здесь с первого дня. Белая форма, аккуратно собранные волосы, усталость, спрятанная за профессиональной мягкостью.

— Я просто хотел посмотреть, — сказал Виктор. — Здесь... слишком тихо.

— Тишина — часть восстановления, — ответила она и подошла ближе. — А вам сейчас нужен покой.

— Я уже два дня в покое, — тихо возразил он. — Этого достаточно.

— Пока нет. Доктор настоял, чтобы вы не перенапрягались.

Виктор не сопротивлялся. Он позволил уложить себя обратно на кровать, хотя знал — тело слушается, ноги держат, боль больше не мешает двигаться. Но спорить не хотелось. Медсестра вернулась к тумбочке, взяла поднос и наполнила чайную ложку густым, тёмным лекарством.

— Откройте рот.

Он послушно проглотил и тут же поморщился.

— Это отвратительно.

— Почти все полезное невкусно. — Но без этого вы не встанете на занятия.

— Значит, я здесь ещё надолго? — спросил Виктор, глядя в потолок.

— День. Может, два, — ответила она. — Всё зависит от вас.

— Я в порядке. — Честно.

— Я вижу, — медсестра убрала поднос. — Но решение не за мной.

Она помедлила, затем добавила уже тише:

— Главный доктор уехал. Я присматриваю за вами, пока он не вернётся. Так что... постарайтесь не усложнять нам обоим жизнь.

За окном снова раздался смех — ближе, громче. Кто-то пробежал по дорожке. А Виктор лежал среди пустых коек и вдруг понял: он больше не чувствует себя пациентом. Он чувствовал себя задержанным. Мария вошла тихо, почти неслышно. Её шаги не отдавались эхом — само здание знало, кто идёт, и приглушало звук.

Медсестра, заметив директора, сразу выпрямилась.

— Доброе утро, директор..

— И вам тоже, — ответила Мария и перевела взгляд на Виктора. — Как наш студент?

— Я в полном порядке, — сразу отозвался он. — Только вот торчу здесь уже второй день.

Медсестра взглянула на Марию, ища подтверждения своим словам.

— Это правда. Мальчику уже хорошо, он может сегодня приступать к занятиям.

Мария чуть кивнула, не сводя глаз с Виктора.

— Я поняла вас. Оставьте нас.

Медсестра ещё раз кивнула, собрала поднос и, бросив на Виктора короткий сочувственный взгляд, покинула больничное крыло. Мария подошла ближе и остановилась у окна. Несколько секунд она смотрела на сад, на студентов, на свет, разливающийся по дорожкам.

— Солнечно сегодня, — произнесла она спокойно. — Редкость для этого времени года.

— Разрешите мне сегодня пойти на занятия, — сказал Виктор, не отрывая взгляда от окна.

— Ты же слышал медсестру. Доктор сказал — минимум два дня покоя.

— Да я с ума сойду за эти два дня. — Вы же директор. Наверняка он вам ничего не скажет.

Мария посмотрела на него пристально.

— Пару дней назад ты пытался сбежать из этой школы. — А теперь просишься на занятия.

— Так дни быстрее пройдут, — пожал плечами Виктор. — К тому же... я был лучшим в своей школе. А это вам поможет, для вашего престижа школы.

— Хвастовство у нас не терпят, — отрезала Мария. — Здесь обучение другое. Не такое, как в обычных школах.

В этот момент дверь открылась, в комнату вошёл Подрик. Виктор сразу приподнялся на койке. На мгновение ему стало неловко — воспоминание о ночи и обмане всплыло слишком резко. Подрик тоже встретился с ним взглядом, и всё стало ясно без слов. Его эмоции были написаны на лице: обида, растерянность, что-то детское и искреннее. В руках он держал аккуратно сложенную школьную форму. Увидев её, Виктор невольно почувствовал, как внутри что-то потеплело.

— Значит... я всё-таки иду на занятия? — тихо спросил он.

Мария даже не обернулась.

— Подрик, положите форму на кровать. Дальше вы свободны.

— Да, миссис Мария, — ответил он своим шепелявым голосом.

Подрик положил форму рядом с Виктором, на секунду задержался, хотел что-то сказать, но решил промолчать.

— С доктором я поговорю. — С сегодняшнего дня ты приступаешь к обучению. Форма — один из главных уставов школы. Приведи себя в порядок и можешь идти. Ты ещё успеешь на завтрак. — Удачи в новом семестре, Виктор.

Дверь закрылась, и он остался один. Виктор медленно взял форму в руки. Ткань была плотной, тёмной, аккуратно выглаженной. На жилете — вышитый герб. На Гербе Ланкастера изображён серебряная башня с узкими окнами — символ усадьбы и школы. Башня стоит одиноко, без дверей, что означает: сюда легко войти, но выйти — лишь избранным. Над башней

— бледная восьмиконечная звезда. Она выглядит потускневшей, светит издалека, звезда символизирует стремление к истине и знанию. По бокам щита — два чёрных ворона, смотрящие в разные стороны. Они символизируют наблюдение, память и связь между прошлым и настоящим. Он провёл по нему пальцами, чувствуя рельеф нитей.

Виктор медленно надел форму. Сначала рубашку — холодную, ещё не прогретую телом. Затем жилет с гербом Ланкастер. Ткань плотно легла на плечи, будто подгонялась не по размеру, а по намерению. Виктор вышел из больничного крыла. Коридор встретил его тихим гулом шагов и голосов. Дети шли по своим делам: кто-то торопился, кто-то лениво плёлся, переговариваясь вполголоса. Смех, споры, короткие приветствия — всё это наполняло пространство жизнью, которой здесь, казалось, было даже слишком много. Виктор шёл, стараясь не выделяться. Он ловил на себе взгляды любопытные, оценивающие, равнодушные. Кто-то узнавал в нём новенького. Кто-то — того самого парня, о котором шептались после ночного происшествия. Но никто не останавливал. Он двигался вместе с потоком, позволяя ему нести себя вперёд. Запахи еды становились сильнее. Шум — громче, смех — увереннее. Столовая была уже близко.

Виктор вошёл в столовую вместе с остальными. Просторный зал был наполнен шумом — звоном посуды, голосами, смехом. Высокие окна пропускали свет, который ложился на длинные деревянные столы и каменный пол. Но стоило ему сделать несколько шагов, как он почувствовал взгляды. Не открытые, не прямые — косые, украдкой брошенные. Шёпот пробежал по рядам, словно слабая волна. Виктор шёл к раздаточной, стараясь не реагировать. Он ощущал тяжесть этих взглядов спиной, плечами, затылком — каждая пара глаз пыталась примерить к нему чужую историю. Он взял поднос. Яичницу, стакан сока, пару вафель. Он прошёл вдоль столов, выбирая место, и сел за тот, где почти никто не сидел. Пустота рядом казалась безопаснее, чем любопытство. Шум вокруг продолжался, но словно на расстоянии.

— Ну привет, герой этой ночи, — раздался знакомый голос.

Виктор поднял глаза. Перед ним стоял Уилл с подносом в руках и той самой полуулыбкой, в которой всегда было больше иронии, чем веселья. Он без спроса сел напротив.

— И тебе доброе утро, — сказал Виктор.

Он сам удивился, насколько искренне обрадовался. Уилл был единственным, кто говорил с ним так, будто ничего не изменилось. Он всё ещё был просто сосед по комнате, а не парень, о котором здесь уже успели сложить мнение.

— Ну что, готов к сегодняшним занятиям? — спросил Уилл, протыкая вилкой яичницу.

— Вроде да, — неуверенно ответил Виктор.

— Слушай... я хотел извиниться. — Ты был прав. Не стоило мне ночью выходить. Я должен был тебя послушать.

Уилл слегка пожал плечами.

— Главное, что жив и цел.

— Ну... насчёт «цел» — это мягко сказано, — усмехнулся Виктор. — Мне тогда неплохо досталось. Но, если честно, сбежать вполне реально.

Уилл фыркнул.

— Ну, как видишь, у тебя не получилось.

— Это верно... — Виктор посмотрел в стакан с соком. — Чуть-чуть не хватило.

— Здесь быстро привыкают, — вдруг сказал Уилл. — К слухам. К ярлыкам. Сегодня ты «герой ночи», завтра — просто ещё один.

— А потом?

Уилл пожал плечами.

— Не переживай из-за этого..

— Твою историю быстро забудут. Здесь вообще долго ни о чём не говорят.

Виктор посмотрел на него вопросительно.

— Почему?

Уилл на секунду замялся, потом наклонился ближе и понизил голос:

— Потому что есть кое-что, о чём говорят куда охотнее. То, что случилось в прошлом году.

— Что именно?

Уилл огляделся по сторонам, убедился, что никто не прислушивается, и почти прошептал:

— В прошлом году умерла одна ученица. Девочка. Она... выпрыгнула с крыши усадьбы и разбилась насмерть.

— Выпрыгнула? — переспросил он. — Просто так?

— Официально — да, — Уилл пожал плечами. — Несчастный случай.

— А неофициально? — тихо спросил Виктор.

Уилл поколебался.

— Я не люблю сплетничать, — сказал он уже тише. — Но некоторые говорят, что её убили.

— Кто? И за что?

— Не знаю, — Уилл выпрямился и снова заговорил обычным голосом. — Версий много.

Шум вокруг немного стих — большинство студентов уже доедали, готовясь расходиться по классам. Уилл наклонился ближе и кивнул в сторону дальнего конца зала.

— Кстати, вон за тем столом сидят наши представители.

Виктор повернулся, стараясь не привлекать внимания. За длинным столом сидело несколько взрослых. Они почти не разговаривали между собой, каждый был погружён в свои мысли или бумаги.

— Директора ты уже знаешь, — тихо продолжил Уилл. — А рядом с ней самая молодая учительница в нашей школе. Лилия. Она недавно у нас работает. Виктор заметил женщину со светлыми волосами и спокойным выражением лица. Она выглядела слишком мягко для этого места.

— Она ведёт историю, — добавил Уилл. — Говорят, раньше преподавала в обычной школе. Не знаю, как её сюда занесло.

Он перевёл взгляд дальше.

— Вон тот, в коричневом пиджаке, — учитель верховой езды. Мистер Хардинг. Он строгий, но справедливый. С лошадьми ладит лучше, чем с людьми. Рядом сидел высокая женщина с сухими чертами лица.

— Это миссис Блейк, искусство.

— А та, с очками? — спросил Виктор.

— Миссис Эстони, литература. Она любит старые тексты, мрачные книги и странные вопросы.

— А вот его... лучше опасаться.

Виктор посмотрел туда, куда указывал Уилл. Мужчина сидел чуть в стороне от остальных. Прямая спина, тёмный костюм, руки сложены перед собой. Лицо — жёсткое, высеченное из камня. Взгляд холодный, внимательный, волосы причесаны набок.

— Мистер Крауч, — Самый строгий преподаватель здесь.

— Что он ведёт?.

— Несколько предметов. Логика, основы науки...

Виктор задержал на нём взгляд.

— Ты сказал, раньше он был другим.

— Да, — кивнул Уилл. — Старшие говорили, что он был душевным. Спокойным. Даже добрым. Но потом... что-то произошло. И он стал таким.

— Думаешь, это из-за прошлогоднего случая?

— Из-за той девочки? — Уилл покачал головой. — Вряд ли. Я не думаю, что он имеет к этому отношение.

— Ну ладно, — тихо ответил Виктор.

В этот момент над залом резко прозвенел звонок. Студенты зашевелились, поднимаясь со своих мест.

— Пойдём, — сказал Уилл, вставая. — У нас сейчас история. Преподаёт, кстати, миссис Лилия.

Виктор взял поднос, убрал за собой и пошёл вслед за Уиллом.

— Стой...

Уилл обернулся.

— А как её звали?

— Кого? — не сразу понял он.

— Ту девочку, которая... — Виктор не договорил.

Уилл на секунду задумался, нахмурился.

— Ту, что сбросилась с крыши? — произнёс он вполголоса. — По-моему... Аврора. — Пойдём, — сказал Уилл, уже громче. — Опоздаем на урок.

Имя Аврора не осталось в столовой. Оно пошло вместе с ним. Они вошли в кабинет почти последними. Класс был просторным, с высокими окнами и потемневшими от времени деревянными партами. Свет падал сбоку, разрезая помещение на полосы — в одних сидели ученики, в других пылился воздух. Кто-то переговаривался, кто-то лениво листал тетради. Разговоры стихли, когда появилась миссис Лилия. Уилл махнул Виктору рукой и ушёл к своим знакомым, заняв место у окна. Виктор остался стоять у двери, чувствуя на себе десятки взглядов.

— Доброе утро, — сказала миссис Лилия мягко, заметив его. — Вы, должно быть, Виктор. Проходите, садитесь за любую свободную парту.

Он кивнул и прошёл между рядами. Свободная парта нашлась ближе к середине — одинокая. Виктор сел, положил тетрадь и выпрямился.

— Что ж, — продолжила учительница, — приступим к занятиям. Достаньте тетради и откройте учебник на странице третьей.

Виктор неловко поднял руку.

— Извините... я ещё не получил книги.

В классе раздался короткий смешок. А затем — низкий, тяжёлый голос:

— Это что, директор школы у нас теперь сирот без учебников держит? Или у нас новенький — королевский недоучка? Виктор повернул голову.

Говорил мальчик с задней парты. Он сразу выделялся: твёрдый взгляд, короткие растрёпанные волосы, подбородок чуть приподнят — так смотрят те, кто привык, что им не возражают.

— Дерек, — резко сказала миссис Лилия.

— А что? Разве я не прав? — пожал он плечами. — Как ночью шляться и устав нарушать — так это нормально. А как пропустить пару занятий — так сразу на отчисление.

— Зато мистер Дерек, у вас есть теперь стимул не прогуливать, чтобы вас не отчислили.

— Эй, если ты хочешь что-то сказать, — спокойно ответил Виктор, — говори прямо.

В классе стало тихо. Дерек рассмеялся.

— Ух ты! Хорошо, скажу, ты надменный придурок.

— Хватит! — повысила голос миссис Лилия. — Дерек, сегодня после уроков вы остаетесь. Думаю, объяснять причину не нужно. Дерек ещё секунду смотрел на Виктора, не отводя глаз, потом медленно повернулся к учительнице.

— Нет. Не нужно, — бросил он.

Первый урок — и уже перепалка. Не этого хотел Виктор.

— Виктор, — мягче сказала миссис Лилия, — ничего страшного. В следующий раз не забудьте взять книгу.

— Да, миссис Лилия, — ответил он.

Он оглядел класс. Кто-то смотрел с интересом, кто-то — с явным осуждением. Он встретился взглядом с Уиллом — тот беззвучно открыл рот: Вау.

И тут Виктор увидел её. Девушка сидела через ряд, ближе к окну. Он поймал себя на том, что смотрит слишком долго. Ему хватило пары секунд, чтобы сердце дрогнуло. Она заметила его взгляд, слегка улыбнулась — быстро, почти украдкой — и тут же отвернулась, продолжив писать.

— Итак, — продолжала миссис Лилия, — история не терпит спешки. Сегодня мы поговорим о том, как прошлое влияет на настоящее. О событиях, которые, казалось бы, закончились, но продолжают жить — в людях, в местах, в решениях... О временах Версаля

Виктор опустил взгляд в тетрадь и начал писать, строки ложились неровно. И вдруг он почувствовал — рядом кто-то есть. Не звук. Не движение. Ощущение. Воздух стал плотнее. По спине пробежали мурашки, внутри всё сжалось. Виктор медленно повернул голову влево, за соседней частью парты сидела девушка. Пепельные волосы, бледное лицо, отрешённый взгляд. Она что-то рисовала в своём листке, не обращая на него ни малейшего внимания. Виктор замер. Он точно знал: он сел один, за парту. Он продолжал наблюдать за ней, он боялся, что стоит отвести взгляд — и она растворится. Его рука дрогнула и медленно потянулась влево, осторожно, почти несмело, словно он тянулся не к человеку, а к отражению в воде. Ещё немного, ещё чуть-чуть. Почти прикосновение.

— Виктор!

Голос прозвучал на весь класс, резкий, внезапный.

Он повернулся учительнице. Глаза его были широко раскрыты, дыхание сбилось, будто его только что выдернули из другого места.

— С вами всё хорошо? — спросила миссис Лилия, внимательно вглядываясь в него.

Виктор снова повернул голову влево, парта была пуста. Никаких пепельных волос. Никакого листка. Никакой девушки. Только его собственная рука, застывшая в воздухе. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять это.

— Да... всё отлично, — произнёс он наконец, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Если вам нужно выйти, вы можете... — начала учительница.

— Нет, — быстро перебил Виктор. — В этом нет нужды.

Миссис Лилия ещё мельком смотрела на него, затем кивнула.

— Хорошо. Тогда продолжим.

Класс снова зашевелился. Послышался шёпот, кто-то переглядывался, кто-то с любопытством бросал на Виктора взгляды. Уилл приподнял брови, но ничего не сказал. Виктор опустил глаза в тетрадь. Рука всё ещё слегка дрожала. Он попытался собрать мысли, разложить всё по полочкам, найти разумное объяснение. Побои. Недосып. Нервное напряжение. Всё это легко могло сыграть с ним злую шутку. Галлюцинации, — сказал он себе. Просто последствия той ночи.

Он глубоко вдохнул и продолжил писать, стараясь сосредоточиться на словах учительницы. После звонка класс сразу ожил. Стулья закричали, тетради захлопывались, кто-то громко обсуждал урок, кто-то торопливо собирал вещи. Напряжение, висевшее в воздухе во время занятия, рассеялось так же быстро, как и появилось. Виктор всё ещё сидел за партой, ему нужно было несколько лишних секунд, чтобы вернуться в реальность. Уилл подошёл первым. Он легко, по-дружески взял Виктора за руку и слегка дёрнул её, заставляя подняться.

— Ну ты даёшь, — усмехнулся он. — С тобой одни эмоции с самого утра.

— Ты про разговор с Дерекком? — спросил Виктор, поднимаясь.

— Да, именно.

В этот момент Дерек выходил из кабинета одним из первых. Проходя мимо, он бросил на Виктора короткий, тяжёлый взгляд. В нём не было злости — скорее обещание. Разговор не закончен.

— Зря ты с ним так, — заметил Уилл, но без упрёка. — С Дерекком особо никто не связывается. Его тут побаиваются. Хотя, если честно... он не такой уж плохой парень.

— Ага, — сухо ответил Виктор. — Я заметил.

— Всё это, конечно, выглядело эффектно... но что за номер ты устроил с рукой? — он посмотрел прямо на Виктора. — Ты реально к кому-то тянулся.

Виктор на секунду замедлил шаг.

— А... ты про это, — он отвёл взгляд. — Скорее всего, нервы. Последнее время столько всего происходит, сколько за всю мою жизнь не было. Не обращай внимания.

— Ладно, — сказал он наконец. — Ну что, на следующий урок?

— Угу, — промычал Виктор.

Они вышли в коридор вместе с остальными учениками. Поток голосов, шагов и смеха снова подхватил их, унося дальше по расписанию. Следующий урок оказался совсем в другом крыле усадьбы. Виктор и Уилл шли по коридору вместе с потоком учеников.

— Литература, — сказал Уилл. — Миссис Эстони. Не пугайся, она строгая только на вид. Кабинет оказался светлее предыдущего: высокие окна, полки с книгами вдоль стен, старые портреты писателей, смотрящие с лёгким укором. Стоило им войти, как класс заметно оживился.

— О, это он, — послышалось с первой парты.

— Тот самый новенький?

— Эмили, оставь его в покое, — прошептал Уилл, скользнув на своё место.

Но Эмили, девушка с острым взглядом и быстрой улыбкой, даже не подумала замолкать.

Она повернулась к Виктору через проход:

— Ты правда никогда раньше не жил в Усадьбе? Виктор помедлил:

— Нет. Впервые.

— Ты же Виктор, да? — спросила она вполголоса, но так, что половина класса наострила уши. — Ты в какой школе раньше учился?

— В обычной.

— А там как? Расскажи. Уроки такие же? Учителя злые?

— Ну... в целом похоже, но по-другому.

— А где лучше? Здесь или там? — Эмили подалась вперёд. — Ты честно скажи, мне правда интересно.

Виктор не успел ответить — с задней парты раздался смешок.

— Эмили, ты чего к нему клеишься? — крикнул один из парней. — У тебя же парень есть!

— Ага, — подхватил другой. — Смотри, новенький, она опасна. Только познакомилась — и уже допрос с пристрастием.

— Я не клеюсь, болван — огрызнулась Эмили, но без злости. — Я просто интересуюсь.

— Слишком громко интересуешься, — хмыкнул Уилл. — Парень твой узнает — нам всем потом несдобровать.

— Какой ещё парень? — нахмурился Виктор.

Эмили закатила глаза, но Уилл опередил её:

— Она у нас встречается со солдатом, по имени Джек. Представь себе. Любит она рыжих.

— Никакая не мания, — фыркнула Эмили. — Просто вкус. И вообще, он классный. Сильный. Не то что вы, книжные черви.

Виктор вспомнил, как в ту ночь, вырубил его с приклада. Виктор ловил на себе десятки взглядов, но на этот раз в них не было холода — скорее любопытство. Дерёка нигде не было видно, поэтому класс и оживился.

— Он такие предметы обычно прогуливает, — тихо бросил Уилл. — Считает литературу несерьёзной.

От этого в классе стало как-то свободнее. Напряжение исчезло, и почти сразу несколько ребят подошли к Виктору.

— Это правда, что ты ночью пытался уйти?

— А солдаты реально тебя ловили?

Вопросы сыпались один за другим. Виктор едва успевал открывать рот, как его перебивали следующим.

— Эй, эй, полегче! — вмешался Уилл, встав рядом. — Он вам не допрос в участке проходит.

Кто-то смущённо рассмеялся, кто-то извинился. Атмосфера стала мягче. Виктор коротко отвечал — без подробностей, без лишних слов. Про побег — уклончиво. Но главное — с ним говорили. Не шептались за спиной, не смотрели исподлобья.

— Рад познакомиться.

— Если что — садись с нами.

— Увидимся на перемене.

Когда прозвенел звонок и в класс вошла миссис Эстони — высокая женщина с собранными волосами и спокойным, внимательным взглядом, — Виктор уже сидел за партой и неожиданно поймал себя на мысли, что внутри стало легче.

Уилл наклонился к нему и шепнул:

— Видишь? Не так уж всё и плохо.

— Да. По крайней мере, днём усадьба выглядела совсем иначе.

Когда прозвенел звонок, Виктор сразу предупредил учителя.

— Извините... у меня пока нет учебника, — сказал он чуть тише, чем хотел.

Миссис Эстони даже не удивилась.

— Ничего страшного, — спокойно ответила она. — Садись к Фелиции, она поделится.

Виктор поднял взгляд. Он сразу узнал её. Та самая девушка. Та, что улыбнулась ему на прошлом уроке.

Значит, её зовут Фелиция, — отметил он про себя.

Фелиция посмотрела на него, на секунду задержала взгляд, и слегка подвинулась, освобождая место рядом с собой. Виктор сел. И сразу почувствовал неловкость. Странную, детскую. Снова оказался не семнадцатилетним подростком, а мальчишкой, которого впервые посадили за парту с кем-то незнакомым. Он выпрямился, стараясь не задеть её локтем, не смотреть слишком явно, не выглядеть глупо. Фелиция, казалось, чувствовала то же самое. Она чуть поправила учебник, подвинула его ближе к центру парты, чтобы им было удобно обоим, и коротко улыбнулась — уже не так смело, как раньше, а чуть смущённо.

— Вот, — тихо сказала она, — будем вместе.

Виктор кивнул, не доверяя своему голосу. И пока миссис Эстони начинала урок, он ловил себя на мысли, что эта неловкость... была приятной.

Виктор склонился чуть ближе к парте и понизил голос почти до шёпота:

— Ты... любишь литературу?

В тот же миг он мысленно поморщился.

Что за глупый вопрос?

Они сидят на уроке литературы. Конечно, любит, или нет. Или просто терпит. Но вопрос уже сорвался, и отступить было поздно.

Фелиция посмотрела на него сбоку, оценивая — серьёзен он или просто волнуется. Уголки её губ чуть дрогнули.

— Да, — так же тихо ответила она. — Люблю.

— Правда? — вырвалось у Виктора, и он тут же добавил: — Прости... это звучало странно.

— Немного, — она улыбнулась уже увереннее. — Но ничего.

Она аккуратно перелистнула страницу учебника.

— А ты?

Виктор задумался на секунду.

— Раньше — не особо, — признался он. — Читал, потому что надо. Фелиция посмотрела на него внимательнее, уже не просто из вежливости.

— У тебя есть любимая книга? — снова спросил Виктор, на этот раз осторожнее.

— Есть, — ответила Фелиция. — «Грозовой перевал». Там много боли... но она настоящая. А у тебя?

— Я ещё не нашёл ту самую. Но, думаю, найду.

Фелиция чуть наклонилась к нему ближе и тихо добавила:

— Тогда тебе здесь понравится. Иногда книги находят нас сами.

Миссис Эстони бросила на них внимательный взгляд поверх очков, и оба сразу уткнулись в учебник, делая вид, что полностью поглощены текстом. Фелиция чуть повернула к нему голову и, не отрывая взгляда от страницы, прошептала:

— А ты... давно здесь?

— В усадьбе? — Виктор усмехнулся. — Слишком давно для человека, который хотел сбежать в первую же ночь.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Значит, это правда?

— К сожалению. — План был так себе.

— Смело, — сказала Фелиция. — И глупо.

— Спасибо, — он прижал ладонь к груди. — Очень поддержала.

— Просто честно. Ты вообще всегда так... резко?

— Нет.

— У тебя всегда такой серьёзный вид, — заметила она.

— А у тебя всегда такой спокойный, — парировал он.

Фелиция приподняла бровь.

— Практически.

— Поделишься, как быть все время таким?

— За это берут плату, — шёпотом сказала она. — Например... хорошую историю. Виктор наклонился ближе.

— Тогда договор. Я расскажу свой секрет, а ты расскажешь свой секрет.

— Хм, — она сделала вид, что думает. — Ладно. Но предупреждаю — я привередливая.

— Отлично, — он улыбнулся. — Я тоже.

В этот момент Фелиция не удержалась и тихо рассмеялась. Виктор — следом за ней. Смех вышел приглушённым, но слишком искренним.

— Кхм, — раздался строгий голос.

Они оба вздрогнули и резко выпрямились.

— Мистер Виктор. Мисс Фелиция, — сказала миссис Эстони, глядя поверх очков. — Я очень рада, что литература вызывает у вас такие живые эмоции. Но, возможно, вы поделитесь ими после урока?

Класс тихо захихикал.

— Простите, миссис Эстони, — почти хором ответили они.

Фелиция прикрыла улыбку рукой, а Виктор, уткнувшись в учебник. Миссис Эстони чуть прищурилась, ей в голову пришла идея, а на губах появилась едва заметная улыбка.

— Так... — протянула она. — Я вижу, мистеру Виктору и мисс Фелиции сегодня особенно весело.

По классу пробежал лёгкий смешок.

— Значит, поступим так, — продолжила она, хлопнув ладонями. — Сыграем в небольшую игру.

— О-о-о... — протянул кто-то с задней парты.

— Не охает, — сразу пресекла миссис Эстони. — Всё просто. Разбейтесь по парам. Я буду задавать вопросы по литературе, а вы — отвечать вместе.

В классе началось движение: кто-то пересаживался, кто-то спорил, кто-то радовался.

— Виктор и Фелиция, — сказала учительница, — вы уже готовы. Раз вы так бурно что-то обсуждали, начнём с вас.

Фелиция выпрямилась, а Виктор почувствовал, как внутри что-то сжалось.

— Итак, — начала миссис Эстони. — Вопрос первый. Назовите произведение, где тема утраты играет ключевую роль, и объясните почему.

Фелиция даже не задумалась.

— «Грозовой перевал», — уверенно сказала она. — Там утрата не просто событие, а состояние, в котором живут герои. Потеря разрушает их и одновременно связывает.

— Прекрасно, — кивнула учительница. — Чётко и по существу. Виктор присоединяйтесь к нас, не стесняемся.

Виктор молчал, лишь скользнул взглядом по строкам учебника, будто искал там поддержку.

— Хорошо, — продолжила миссис Эстони. — Тогда усложним.

Какой автор, на ваш взгляд, лучше всего работал с темой тьмы — не внешней, а внутренней? Тьмы в человеке. Фелиция на этот раз замялась. Она нахмурилась, прикусив губу, явно подбирая слова.

— Эдгар Аллан По, — произнёс Виктор, чуть неуверенно. — У него тьма — это не зло само по себе. Это страх, вина, одиночество. Иногда... последствия выбора.

Фелиция удивлённо посмотрела на него.

— Но... — добавил Виктор, — он часто доводит это до крайности, поэтому не всегда даёт ответ, а просто показывает бездну.

В классе стало тихо. Миссис Эстони внимательно смотрела на него несколько секунд, молча.

— Не совсем академично, — но очень точно по сути. Мне нравится, как вы мыслите, мистер Виктор.

Она перевела взгляд на Фелицию.

— И вам спасибо, мисс Фелиция. Хорошая команда.

Фелиция тихо выдохнула и наклонилась к Виктору.

— Ты меня спас, — прошептала она.

— Считай, мы квиты за учебник, — так же тихо ответил он.

Она улыбнулась, и на этот раз Виктор был уверен — это была улыбка именно для него. Урок был закончен, началась длинная перемена, Виктор и Уилл вышли во двор.

Воздух был тёплым, неожиданно мягким для осени. Солнце светило ровно, листья на дорожках ещё не успели пожелтеть окончательно, и от этого всё вокруг казалось почти обманчиво спокойным. Виктор невольно отметил: стражей почти не было. Пара фигур у дальних ворот — и всё. Ни привычных патрулей, ни тяжёлых шагов. Он понял это сразу: той ночью охрану усилили намеренно. Не из-за школы — из-за него.

А если кто-то кроме него и другой мог проникнуть? Мысли начали закручиваться, но Уилл, как обычно, разрушил их без усилий.

— Вот за это я люблю длинные перемены, — сказал он, подставляя лицо солнцу. — Когда погода такая, кажется, что всё не так уж плохо.

— Да, — отозвался Виктор, оглядывая двор. — Слишком спокойно.

— Ты опять думаешь, — усмехнулся Уилл. — Перестань. Смотри, как хорошо.

Они прошли вдоль дорожки, мимо сада. Виктор поколебался, но всё же спросил:

— Слушай... Фелиция. У неё есть кто-нибудь?

Уилл покосился на него и чуть прищурился.

— Ага, вот оно что.

— Я просто спрашиваю, — быстро добавил Виктор. — Из любопытства.

— Насчёт «кого-нибудь» — не знаю. — Она... странная. Не в плохом смысле. Просто не такая, как все. Иногда кажется, что она живёт немного в своём мире. Ты, может, ещё не заметил. Но заметишь.

— Странная — это плохо?

— Нет, — покачал головой Уилл. — Скорее... интересно.

— А у тебя есть девушка?

Уилл замялся. Его шаги стали медленнее.

— Нет, — наконец сказал он. — И... не думаю об этом сейчас.

— Почему?

— Я хочу сначала другое. Семью. Настоящую. Чтобы просто... принимали. Без условий. Таким, какой ты есть.

Виктор ничего не ответил. Слова Уилла задели что-то глубоко внутри, но там была пустота.

— А ты? — спросил Уилл. — О чём мечтаешь?

Виктор остановился. Он попытался найти ответ — любой. Но внутри было тихо.

— Не знаю, — честно сказал он. — Раньше... было. А теперь — нет.

Он быстро отвернулся, будто разглядывая двор, и чтобы не продолжать эту тему, указал в сторону дальнего края территории.

— А это что за здание?

На фоне деревьев стояло старое строение. Каменное, потемневшее от времени, с обвалившейся крышей и пустыми оконными проёмами. Оно выглядело заброшенным и чужим — как кусок прошлого, забытый всеми.

Уилл посмотрел туда и понизил голос.

— Старая часовня.

— Заброшенная?

— Давным-давно, — кивнул он. — Туда никто не ходит. Говорят, она закрыта ещё с войны.

Виктор ещё секунду смотрел на часовню, когда движение сбоку вырвало его из мыслей. У дорожки, почти у самой ограды, трое мальчишек сцепились в узел. Двое — старше и крупнее — окружили третьего, совсем мелкого, лет восьми, не больше. Они толкали его плечами, дёргали за рукав, что-то выкрикивали, явно наслаждаясь его растерянностью.

— Эй... — Виктор уже сделал шаг вперёд.

Но вмешаться он не успел. Мальчишка резко вырвался, выскользнул между ними, споткнулся, едва не упал — и рванул прочь, к зданию школы. Его шаги были быстрыми, почти паническими. Он не оглядывался. Двое обидчиков постояли ещё секунду, посмеялись, переглянулись и, будто ничего не случилось, разошлись в разные стороны.

Виктор сжал челюсть.

— Обычно за такое сразу выговор. — Потом второй. А потом... отчисляют.

— Если ловят, — добавил Виктор.

Он почувствовал знакомое раздражение. То самое, что поднималось внутри каждый раз, когда кто-то был сильнее — просто потому, что мог.

— Как ни крути, — произнёс Уилл глухо, — плохого здесь больше, чем хорошего.

И в этот момент Виктор заметил Подрика. Он стоял чуть поодаль, у бокового входа, с папкой под мышкой. Он выглядел растерянным, будто не знал, куда себя деть: то ли следить за порядком, то ли просто стоять, делая вид, что всё идёт как надо. Его взгляд встретился с Виктором — и тут же дёрнулся в сторону.

— Я сейчас, — сказал Виктор и, не дожидаясь ответа, пошёл к нему.

— Подрик.

Тот вздрогнул, будто его застали врасплох.

— А... Виктор, — протянул он шепеляво и неловко улыбнулся. — Ты... э-э... уже на ногах. Это... хорошо.

— Ты видел, что только что было? — Виктор кивнул в сторону, где скрылись мальчишки. Подрик замялся, почесал затылок.

— Ну... я... не совсем. Тут много всего... — он осёкся и отвёл взгляд. — За такое наказывают. Если... если докладывают.

— А если не докладывают?

Подрик не ответил сразу. Он сжал папку крепче, будто та могла его защитить.

— Тогда... — он понизил голос, — тогда считается, что ничего не было.

— Подрик... — начал он тише. — В следующий раз, если увидишь таких... лови их. Не делай вид, что ничего не было.

— Думаешь, я не хочу? — пробормотал он. — Думаешь, мне приятно отворачиваться? Виктор выдохнул.

— Я понимаю, и надеюсь что ты, в следующий раз, поступишь иначе.

— Хорошо...

— Ещё я хотел сказать... прости меня. За ту ночь. За то, что обманул тебя.

Подрик побледнел. Он сжал губы, а потом вдруг заговорил быстрее, сбивчиво, будто давно держал это в себе.

— Я считаю тебя другом, правда. Мне здесь... не с кем особо. А ты... ты посмотрел на меня так, будто я что-то значу. А потом — обман. Из-за этого случая... — он замолчал, сглотнул. — Мне сказали, что я не готов. Что с такой наивностью я никогда не стану настоящим солдатом.

Слова повисли между ними. Виктор почувствовал, как в груди неприятно сжалось.

— Это моя вина, — сказал он глухо. — Я поговорю с директором. Объясню всё.

Подрик резко покачал головой.

— Не надо. — он почти испугался. — Пожалуйста. Только хуже сделаешь. Она... она не любит, когда заступаются. Особенно за таких, как я.

Виктор опустил взгляд. Ему стало по-настоящему стыдно — не тем стыдом, который проходит быстро, а тем, что оседает внутри тяжёлым камнем.

— Мне правда жаль. — Я не хотел тебя подставлять.

Подрик немного помолчал, потом неловко пожал плечами.

— Я знаю.

Подрик стоял, уткнувшись взглядом в землю. Плечи у него дрожали, дыхание сбивалось. Он пытался держаться, но слёзы всё равно проступили.

— Я просто... — Я правда не хотел тебе зла...

Виктор уже собирался что-то сказать, когда за спиной раздался грубый, насмешливый голос:

— Думал, я тебя оставлю?

Виктор резко обернулся. Дерек стоял в паре шагов, руки в карманах, взгляд всё тот же холодный и цепкий. А позади него стояли двое друзей — крепкие, одинаково наглые. Подрик так и остался на месте, не поднимая головы, только плечи его задрожали сильнее.

— Знакомьтесь, — усмехнулся Дерек, кивнув на своих. — Это Томас. Это Грегори. Мои парни. Лучше с ними не спорить, если дорожишь зубами.

Томас лениво ухмыльнулся. Грегори молча скрестил руки на груди. Дерек перевёл взгляд на Виктора, и в его глазах мелькнуло что-то странное — не то любопытство, не то уважение.

— Слушай, новенький. Ты на прошлом занятии ответил. Не струсил. Я таких, как ты, уважаю. Смелых, значит.

— И что с того? — хмуро спросил Виктор.

— А то, — Дерек приблизился и чуть понизил голос, — что место есть. Ко мне. Будешь с нами. Никто пальцем не тронет. Наоборот — сам тронешь кого захочешь.

Томас и Грегори переглянулись с усмешкой.

— Ну? — Дерек приподнял бровь. — Давай, не ломайся.

Виктор посмотрел ему прямо в глаза.

— Нет.

— Что, прости? — голос Дерека похолодел.

— Я сказал нет, — повторил Виктор спокойно, хотя внутри всё сжалось. — Не пойду к тебе. Не такой я.

Дерек замер. Улыбка сползла с его лица. Тишина стала тяжёлой, как свинец.

— Ну и зря, — процедил он сквозь зубы. — Я к тебе по-хорошему. С уважением. А ты...

Он дёрнул головой, и Томас с Грегори тут же напрялись, готовые рвануть с места.

— Я дал тебе шанс, но видимо, мы поступим иначе. — голос Дерека снова стал насмешливым, но злым. — Теперь ты ответишь.

— За что? — За то, что не захотел быть твоей шестёркой?

— Не беси меня, — тихо сказал Дерек, делая шаг вперёд.

— А то что? Ударишь? — Виктор скривил губы. — Думаешь, если размахивать руками и строить из себя крутого, то ты герой? Да таких, как ты... мой отец на войне каждый день видел.

— Твой отец? — перебил Дерек, и голос его сорвался. — А мой отец там погиб! Он воевал, понял?! Настоящий солдат. Я никогда не стану его так позорить, как ты сейчас позоришь свою семью своей наглостью!

— Не станешь позорить? — Виктор шагнул ближе. — А сам уже стоишь опозоренный. Геройский сынок, который бежит с шайкой идиотов и делает вид, что он тут главный.

— Закрой рот, — прорычал Дерек.

— А то что? Твой папаша воевал за то, чтобы такие выродки, как ты, сейчас воздух портили?

На секунду стало тихо. Глаза Дерека потемнели. Он не сказал ни слова — просто резко взмахнул рукой. Удар прошёл мимо — Виктор был готов. Он увернулся и тут же ответил коротко, резко. Но Дерек оказался крепче, чем выглядел. Следующий удар пришёлся точно — и Виктор рухнул на траву.

Дерек навалился сверху. Его лицо было искажено яростью, дыхание рваным.

— Держите его, парни!

Томас и Грегори моментально подскочили, прижали Виктора к земле. Дерек бил снова и снова, не разбирая, куда. У Виктора зазвенело в ушах, вкус металла появился во рту.

— Сейчас ты ответишь за каждое слово! — прорычал Дерек, занося кулак для нового удара. Подрик стоял в стороне, оцепенев, не в силах двинуться.

— Хватит! — раздался крик.

Всё произошло резко. Чьи-то сильные руки рванули Дерёка назад. Преподаватель Дюран схватил его за плечи, удерживая. В ту же секунду Уилл подскочил к Виктору и помог ему подняться, закрывая собой.

— Ты с ума сошёл?! — кричал учитель. — Немедленно отойди!

Дерёк вырывался, тяжело дыша, но его держали крепко. Он всё ещё смотрел на Виктора — взглядом, в котором не было ни капли раскаяния. Виктор стоял, шатаясь, сжимая кулаки. Кровь текла из носа, но он не чувствовал боли — только глухую пустоту. Преподаватель Дюран стоял между ними, тяжело дыша, переводя взгляд то на Дерёка, то на Виктора.

— В чём дело?! — резко спросил мистер Дюран. — Кто начал?!

Ответа не последовало. Дерёк молчал, упрямо стиснув челюсть. Виктор тоже не сказал ни слова — лишь вытер кровь с губы тыльной стороной ладони и посмотрел в сторону.

— Ясно... — процедил учитель. — Значит так.

Он резко повернулся к Дерёку.

— Ты. Вон. — палец указал в сторону здания. — Немедленно. Потом — к Виктору:

— А ты иди к медсестре. Покажись. Это приказ.

— Захотели за ворота? — продолжал он, уже повышая голос. — Почувствовать «вольную жизнь»? Так вот, здесь вам не улица!

Дерёк вдруг поднял голову.

— Нет, сэр, — коротко ответил он.

— Прекрасно. Тогда разошлись. Немедленно. И чтобы я вас сегодня больше не видел вместе.

Он махнул рукой, и толпа, которая уже успела собраться, мгновенно рассыпалась. Студенты, шепчась и оглядываясь, разошлись по своим делам, будто ничего и не было. Виктор остался стоять ещё секунду, чувствуя, как внутри всё дрожит — не от боли, а от адреналина. Он знал: идти к медсестре нельзя. Та сразу сообщит Марии. А объяснять ещё раз, оправдываться, снова чувствовать этот холодный, оценивающий взгляд — он не хотел. Поэтому Виктор просто развернулся и пошёл в сторону бокового коридора. В умывальнике было пусто. Он открыл кран и наклонился к раковине. Холодная вода ударила по ладоням, по лицу, смывая кровь и пыль. Он смотрел на своё отражение — разбитая бровь, покрасневшие глаза, чужое, усталое лицо.

Из одной из кабинок доносился тихий плач. Виктор медленно выпрямился и прислушался. Плач был сдавленный, будто человек изо всех сил старался не издать ни звука. Он осторожно подошёл ближе и слегка приоткрыл дверь кабинки. Внутри сидел тот самый мальчишка со двора — тот, над кем издевались.

— Привет... — тихо произнёс Виктор.

Мальчик вздрогнул и отвернулся, утирая слёзы рукавом.

— Ты плачешь из-за того, что те хулиганы сделали тебе больно?

Ответа не последовало.

— Может, я могу чем-то помочь?

Мальчик молчал. Виктор понял, что давит, и отступил. Он вернулся к раковине, опёрся о неё руками и замер. Вода продолжала течь, заполняя тишину.

— А почему ты такой грустный? — вдруг раздался тихий голос. — Тебя тоже обижают? Виктор обернулся.

— Нет... — ответил он после паузы. — Не из-за этого.

Он подошёл к двери и сел на пол, прислонившись спиной к холодной стене. Мальчик выглянул из кабинки, любознательность его взяла вверх. Несколько секунд смотрел на него, затем нерешительно вышел и сел рядом.

— Тогда почему ты грустный?

Виктор опустил взгляд.

— Меня пугает неизвестность. Я боюсь того, что будет дальше... со мной.

— Но разве это страшно — неизвестность? — спросил мальчик.

— Намного страшнее, чем хулиганы. — За что они с тобой так?

Мальчик пожал плечами.

— Они считают меня слабым. А слабых здесь не любят. Вот и издеваются.

— Ты говорил об этом кому-нибудь из взрослых?

— Нет. Я не хочу быть стукачом.

— Тогда они дальше будут продолжать. — Если ты не хочешь быть стукачом... учись давать отпор, — продолжил Виктор. — Быть слабым — не значит быть трусом. Не всегда нужно побеждать силой. Иногда хватает хитрости. Найди их слабые места и используй их. Они замолчали. Тишина заполнила туалет, нарушаемая лишь каплями воды.

— Меня зовут Абрахам, — наконец сказал мальчик. — А тебя?

— Виктор.

Абрахам кивнул.

— Я хочу рассказать тебе секрет... — На самом деле я плакал не из-за них.

— А из-за чего?

— Я очень скучаю по родителям... — голос Абрахама дрогнул. — По маме. Я увижу её только по окончании семестра. Слезы снова потекли, но теперь он не пытался их скрыть. Виктор почувствовал, как внутри что-то ломается. Он тоже пустил слезу — тихо, беззвучно. Не из жалости, а из понимания.

— Ты тоже плачешь, потому что скучаешь по дому? — спросил Абрахам, вытирая глаза.

— Да... — Но я больше их не увижу.

— Почему?

— Они умерли. У меня никого не осталось. Поэтому я и боюсь неизвестности. Я не знаю, что будет дальше... а у тебя будет. У тебя есть дом.

Абрахам слушал, не перебивая.

— Есть место, куда ты вернёшься, — продолжил Виктор. — Где тебя будут ждать. Где мама обнимет тебя и поцелует, этого достаточно. Грусть бывает у всех. Но её нельзя держать в себе. Если держать — она начнёт управлять тобой.

— Я не хочу этого... — прошептал Абрахам.

— И не допустишь. — Ты плачешь — значит, ты живой. Настоящий. А те, кто издевается, внутри пустые. Поэтому ты сильнее их. Не телом — душой.

Абрахам вдруг резко обнял его. Крепко, по-детски, не отпуская. Виктор обнял его в ответ.

— Спасибо... — тихо сказал мальчик.

Он вскочил и выбежал из туалета. Виктор остался сидеть у стены, глядя в пустоту. Боль внутри всё ещё была — приглушённая, тяжёлая. Звонок прозвенел резко, будто кто-то оборвал нить. Виктор вздрогнул, но не поднялся. Он остался сидеть на холодном полу туалета, спиной к стене, глядя в пустоту. Мысли шли медленно, вязко, сопротивляясь движению времени. Минуты тянулись. Десять. Может, чуть больше. Он поднялся, умыл лицо, задержал взгляд на своём отражении. Лицо казалось чужим — бледным, с тенью под глазами, будто ночь так и не отпустила его.

Коридоры уже опустели. Когда Виктор подошёл к кабинету, за дверью стояла тишина — тяжёлая, сосредоточенная. Он постучал. Не дождавшись ответа, открыл дверь и шагнул внутрь.

— Извините за опоздание, — произнёс он ровно.

За учительским столом сидел мистер Крауч. Он писал, не поднимая головы. Скрип пера звучал громче, чем должен был. В классе никто не повернулся — все уткнулись в тетради, словно боялись даже взглянуть в сторону двери.

— Причина, — сухо произнёс Крауч, всё ещё не глядя на Виктора. Виктор сжал пальцы. Причина и правда была, но не мог рассказать.

— Извините, сэр... причины нет.

Перо остановилось. Мистер Крауч медленно поднял голову и посмотрел на него. Взгляд был холодным, цепким — таким, что казалось, он видит не только Виктора, но и всё, что тот прячет внутри.

— Вы, должно быть, не знаете, — начал он негромко, — что в уставе школы ясно сказано: пропуск занятий недопустимо. В противном случае... — он сделал паузу, — вас выгонят.

— Я знаю, — ответил Виктор, не опуская глаз.

Крауч прищурился.

— Вам, вероятно, также не сказали, что на моих уроках дисциплина превыше всего. Я не делаю поблажек. Ни новеньким. Ни тем, чьим опекуном является директор.

— И что мне делать? — спросил Виктор.

Крауч откинулся на спинку стула.

— Вернуться туда, откуда вы пришли. Сегодня я вас к занятиям не допускаю. Также я поставлю вам отрицательную оценку. В будущем вам придётся её исправить. А теперь — свободны.

На мгновение Виктору показалось, что за этим голосом скрывается нечто большее, чем строгость. Но он не стал в этом копаться. Дверь за ним захлопнулась громче, чем он рассчитывал. В коридоре было пусто. Его шаги эхом отдавались под высокими сводами усадьбы. Где-то далеко тикали часы. Виктор шёл, чувствуя, как злость постепенно вытесняет усталость.

К вечеру усадьба менялась. Днём она казалась строгой и шумной, полной голосов и шагов, а с наступлением сумерек сжималась, становилась тише, внимательнее. Студенты расходились по своим вечерним делам: кто-то выходил во двор — подышать холодным воздухом и поговорить вполголоса, кто-то оставался в общих залах, играя в настольные игры или споря о пустяках, кто-то уходил в спальни, прячась от мира под одеялами и мыслями.

Виктор выбрал библиотеку. Она была огромной. Стеллажи тянулись вверх, теряясь в полумраке, проходы переплетались, как коридоры лабиринта. Здесь легко было заблудиться — не телом, а мыслями. Пахло пылью, старой бумагой и чем-то ещё... временем. Виктор сидел за длинным столом, освещённым одной лампой, напротив камина. Над самим камином, висели шпаги, ещё собственностью самим бароном Ланкастера. Он писал, перечитывал конспекты, делал пометки на полях. Учёба шла медленно, но упорно — как будто он цеплялся за неё, чтобы не думать.

— Как ты? — тихо спросила Фелиция.

Виктор поднял взгляд. Она стояла рядом, держа книгу у груди.

— Для первого дня — неплохо, — усмехнулся он. — Успел подружиться, подраться и вылететь с урока.

— Про драку я слышала. Дерек поступил глупо...

Она присела напротив.

— Но мистера Крауча лучше не злить. Иначе потом будет сложно сдавать у него зачёты.

— Да мне уже всё равно, — отрезал Виктор. — Это не школа, а какая-то тюрьма.

— И что, — вдруг прозвучал знакомый голос, — ты снова попытаешься сбежать?

Это был Уилл. Он не стал садиться, а устроился прямо на столе, скрестив руки.

— По-моему, я тебя предупреждал насчёт него.

— Ну извини, — резко ответил Виктор. — Я не собирался идти на урок с кровью на лице. Или ты забыл, как меня сегодня избили?

Фелиция нахмурилась.

— Вы были вдвоём?

— Да. И помогли нам только тогда, когда уже разняли.

— Извини. Всё произошло слишком быстро. Я... не успел сообразить.

— Ладно. Проехали. — Лучше скажите, как исправить оценку. Вообще это нормально вести себя не по педагогически, никто не пытался пожаловаться?

Уилл хмыкнул.

— Сказать? Нет. Никто не хочет идти на самоубийство.

Фелиция лишь покачала головой.

— Прекрасно, — усмехнулся Виктор. — В первый же день меня быют, выгоняют с уроков и вешают долги по учёбе

— Не печалься, — мягко сказала Фелиция. — Если хочешь, я могу помочь тебе с материалом.

— Нет, спасибо, — Виктор захлопнул учебник и сложил тетради. — Разберусь. Всё, что мне сейчас нужно — это отдых. Слишком много всего за один день.

Он поднялся.

— Пока. Увидимся завтра.

Фелиция и Уилл молча смотрели, как он уходит между стеллажами, растворяясь в полумраке библиотеки.

— Что это с ним? — тихо спросила Фелиция.

Коридоры усадьбы тянулись, как живые. Они изгибались, ветвились, вводили вглубь — и Виктор всё чаще ловил себя на мысли, что здесь легко потерять не только дорогу, но и ощущение времени.

В этой усадьбе можно заблудиться, — подумал он.

Он шёл медленно, прижимая к груди учебники и тетради, стараясь запомнить повороты. Вдруг книги выскользнули из рук и с глухим стуком рассыпались по полу.

— Что за день... — пробормотал Виктор, опускаясь на корточки.

Он начал собирать тетради — и в этот момент раздался грохот. Глухой, будто что-то тяжёлое упало, затем — протяжный скрип. Виктор замер. Позади него медленно открывалась дверь. Сама по себе. Коридор был пуст. Никого. Ни студентов, ни преподавателей.

— Извините... — осторожно сказал Виктор, заглянув внутрь.

Ответом была играющая музыка из шкапулки стоящая на столе. Он сделал шаг внутрь комнаты. Комната оказалась небольшой: шкаф, письменный стол, узкая кровать. Бумаги были разбросаны по полу, ящики выдвинуты, словно здесь что-то искали — или в спешке прятали.

Виктор положил свои учебники у стены и подошёл к столу. Из шкапулки выглядывала статуэтка виде ангела с чёрными крыльями. Музыка была тихой, почти нежной. На ангеле — белая одежда, позади большие чёрные крылья. Она медленно кружилась, пела беззвучную колыбельную. Мелодия была одновременно завораживающей и жуткой. Виктор отвёл взгляд и наклонился вниз, поднимая чужие листы. Много газет, старых, пожелтевших. Он пробежал глазами заголовки — пока один из них не заставил его остановиться.

«Трагедия в усадьбе Ланкастера. Ученица погибла при падении с крыши». Он прочёл статью. Потом ещё одну. Расследование. Допросы. Версии. Чуть ниже — другая подборка. Немецкие эксперименты после войны. Исчезнувшие документы, намёки, но без доказательств. Виктор отложил газеты. На полу лежал конверт. Подняв его из него выпала фотография. Он узнал её сразу. Пепельные волосы. Спокойное, почти светлое лицо, та самая девочка, которую он видел сегодня на уроке. Та, чьё имя прозвучало утром. Рука Виктора дрогнула. Он осторожно поднял одну фотографию и, не до конца понимая зачем, убрал её во внутренний карман пиджака. Рядом лежал конверт. Он приоткрыл его — всего на пару сантиметров, и в этот момент за спиной раздался голос.

— Что ты здесь делаешь?

Виктор резко обернулся, в дверях стоял мистер Крауч. По выражению его лица было сразу ясно — это его комната.

— Простите... дверь была открыта, и я...

Крауч увидел разбросанные бумаги. Страх мелькнул в его глазах — короткий, почти животный, а затем он рванулся вперёд. Рука сомкнулась на горле Виктора и с силой прижала его к стене.

— Ты рылся в моих вещах, недоносок.

Воздух исчез. Слова вырывались хрипом.

— Н-нет, сэр... они уже были... разбросаны...

Хватка усилилась.

— Дверь была закрыта на замок. Что ты взял?

— Ничего... — Виктор почти не чувствовал ног. — Я... ничего... не брал...

— Не лги мне.

— Я клянусь...

Ещё секунда — и мир начал темнеть. Крауч резко отпустил его. Виктор рухнул на пол, задыхаясь. На шее уже проступали следы пальцев.

— А теперь... — голос Крауча был холоден, — проваливай отсюда. И чтобы больше не попадался мне на глаза. Ты меня понял?

— Д-да, сэр...

Держась за горло, Виктор забрал свои учебники и выбежал в коридор. Крауч медленно собрал бумаги. Сложил всё в ящик, вернул его в стол и закрыл на ключ. Он сел. Голова опустилась, чёлка закрыла глаза. Несколько минут он смотрел в пол, слушая колыбельную. Затем Крауч встал, запер дверь, достал бутылку бренди и налил полный стакан. Он осушил стакан залпом. Музыка заполнила комнату. Она не была громкой, она звучала как прощание. Как начало того, что однажды снова выйдет наружу — несмотря на замки, страх и молчание. В тени, между нотами, будто кто-то снова произнёс имя: Аврора.

Глава третья: Карнавал

Ночь накрыла усадьбу мягко и без спешки. Большая луна поднялась высоко и залила территорию холодным, почти серебряным светом. Каменные стены отражали его, окна казались тёмными зеркалами, а сад — застывшей декорацией, в которой даже ветер боялся шелухнуться. Усадьба спала. Спали студенты, уставшие от дня. Спали преподаватели, запершись в своих комнатах. Даже стража двигалась медленнее, лениво меняя посты, будто сама ночь держала их за плечи.

Все — кроме Виктора. Он лежал на спине, глядя в потолок. Лунный свет пробивался сквозь занавеску и ложился узкой полосой на стену, медленно ползущей, как стрелка часов. Мысли не давали уснуть. Он вспоминал, как Крауч чуть не придушил его, так же не давало его в покое та статуэтка. Виктор повернул голову. Уилл спал крепко. Лежал, раскинувшись, с приоткрытым ртом, дышал ровно и глубоко. Он заснул почти сразу — как только коснулся подушки. Для него день закончился. Для Виктора — нет. Виктор уже почти лёг, когда услышал это. Тихий, протяжный скрип — будто кто-то медленно провёл ногтем по старому дереву. Он замер. Дверь их комнаты медленно приоткрылась. Не резко, не от толчка — плавно, словно её открывали осторожно, с намерением не быть замеченным. Но за дверью никого не было. Внутри у Виктора всё сжалось. Он сел на кровать, не отрывая взгляда от дверного проёма. Первой мыслью было разбудить Уилла. Он повернул голову — Уилл спал всё так же крепко, даже не пошевелился.

«Если я его разбуджу, — подумал Виктор, — а там ничего...»

Он передумал. Медленно, стараясь не скрипнуть половицей, Виктор поднялся и подошёл к двери. Осторожно выглянул в коридор. Пусто. Длинный коридор тонул в лунном свете. Тени от высоких окон ложились неровными полосами на стены и пол. Ни шагов. Ни голосов. Ни движения. Только тишина — плотная, вязкая. Виктор закрыл дверь и сделал шаг назад, в сторону кровати. Сердце понемногу начало успокаиваться. Наверное, сквозняк, старое здание. Он не успел дойти, как скрип раздался снова. На этот раз громче. Дверь медленно открылась во второй раз. Виктор дёрнулся так резко, что едва не потерял равновесие. По спине пробежал холод. Он стоял, глядя на дверной проём, чувствуя, как в горле пересохло.

— Хватит... — прошептал он почти беззвучно.

Он развернулся и подошёл к двери снова. Но теперь не стал выглядывать. Виктор шагнул в коридор полностью. Дверь за его спиной осталась приоткрытой. Коридор встретил его холодом и пустотой. Он сделал несколько шагов вперёд. Каждый звук собственного движения казался слишком громким: дыхание, шорох ткани, лёгкий скрип подошв. Где-то вдалеке часы пробили — один раз. Потом второй. И вдруг Виктор почувствовал это снова. Не звук. Не движение. Присутствие. Будто за ним наблюдали — не из тени, а из самого пространства. Он остановился и медленно обернулся. Коридор за спиной был таким же пустым. Но ощущение не исчезло.

— Есть кто-нибудь? — тихо спросил он.

Его голос утонул в тишине. И тогда, в конце коридора, там, где свет уже почти не доходил, что-то изменилось. Тень дрогнула. Не двинулась — именно дрогнула, словно живая. Виктор сделал шаг назад. И в этот момент он понял: это не он вышел в коридор. Это коридор ждал, когда он выйдет. Виктор стоял посреди коридора в одной пижаме, босыми ногами на холодном полу. Паркет тянул тепло из ступней, будто усадьба медленно проверяла — живой ли он, настоящий ли.

Тишина была слишком плотной. Не ночной — *выжидающей*. Он медленно огляделся. И тогда раздался звук. Тихий, но отчётливый скрип половиц. Виктор вздрогнул и резко повернул голову в сторону шума. Скрип повторился — уже дальше. Не рядом. Не за спиной.

В стороне лестницы. Кто-то — или что-то — двигалось там, где коридор уходил вниз. Сердце Виктора ускорилося. Ладони вспотели, несмотря на холод. Он сделал шаг назад... потом остановился.

— Это глупо, — прошептал он себе. — Просто старый дом.

Но скрип повторился снова. Чётче. Ближе к ступеням. Виктор сглотнул. Он мог вернуться. Закрыть дверь. Разбудить Уилла. Притвориться, что ничего не слышал. Эта мысль мелькнула — и тут же исчезла, уступив другой, более упрямой.

Если я сейчас уйду — это не исчезнет. Он медленно выпрямился, глубоко вдохнул и, собрав всю оставшуюся решимость, двинулся в сторону лестницы. Каждый шаг отдавался в теле напряжением. Пол под ногами скрипел, но уже не так, как раньше — будто дом узнавал его вес, принимал. Перила лестницы охладили ладонь, когда он коснулся их кончиками пальцев. Он остановился у первой ступени. Внизу было темнее. Лунный свет туда почти не доходил. Только слабое отражение из высоких окон вырисовывало очертания пролёта, уходящего вглубь усадьбы. И снова — скрип. Теперь снизу. Виктор замер на мгновение... а затем сделал шаг вниз.

Ступенька скрипнула под его ногой — и в этот момент ему показалось, что усадьба ответила. Виктор спустился вниз. Он медленно шёл по пустым, погружённым в полумрак коридорам, настороженно оглядываясь по сторонам. Внезапно его внимание приковал тусклый полоска света, пробивавшаяся из-под двери одного из учебных классов. Дверь была прикрыта, но не до конца — замок не щёлкнул.

Изнутри доносились приглушённые звуки: сбивчивое дыхание, тихие вздохи. Сердце Виктора забилося чаще. Он неслышно подошёл и едва заметно приоткрыл дверь, заглянув в узкую щель. То, что он увидел, заставило его застыть на месте. Глаза его расширились от изумления, а челюсть непроизвольно отвисла. В центре класса, при тусклом свете настольной лампы, были Дерек и миссис Лилия. Дерек страстно целовал её, прижимая к краю парты. Лилия, обнимая его за шею, в ответ запускала пальцы в его волосы, а её ногти царапали его спину, оставляя на коже красные следы. Он касался губами её дрожащих ключиц, задерживался на нежной коже груди, оставляя влажный, горячий след, и опускался дальше, к изгибу талии и округлости бедра. Не отрываясь от её нежного тела, Дерек начал опускаться поцелуи ниже, к её шее, затем поцелуи опустились низ живота. Дерек продолжал целовать, опускаясь ещё ниже. Лилия откинула голову назад, и из её груди вырвался сдавленный, полный наслаждения стон. Поцелуи Дерек, плавные и неумолимые, скользили по женской промежности. Каждое его прикосновение заставляло Лилию вздрагивать и глубже вжиматься спиной в холодную столешницу.

Когда его губы, а затем и пальцы, коснулись самых сокровенных мест, Лилия резко вцепилась пальцами в его тёмные волосы. В её движении не было отчаяния — лишь жадное, властное утверждение, требование не останавливаться. Её сбивчивые вздохи перешли в прерывистые, низкие стоны, заглушаемые темнотой пустого класса.

Виктор больше не мог смотреть. Он отшатнулся от щели, словно его оттолкнула невидимая сила. Сердце колотилось так громко, что казалось, его услышат за дверью. Рука, дрожа, осторожно потянула дверь на себя, пока она не встала на прежнее место, в точности как было — приоткрытая ровно настолько, чтобы не щёлкнуть замком. Он прислонился спиной к холодной стене коридора, пытаясь перевести дух и заглушить в голове звуки, которые теперь казались ему оглушительными.

Вдохи за дверью всё ещё были слышны — глухие, неровные, чужие. Виктор намеренно не обернулся. Это было не его дело. И в этот момент снова раздался скрип. Он резко повернул голову — сначала в сторону коридора, потом обратно, будто опасаясь, что звуки преследуют его. Но коридор был пуст. Скрип повторился — дальше, глубже. Виктор сжал пальцы, собрался с духом и пошёл в ту сторону. Его босые ноги ступали почти бесшумно, но каждый шаг отда-

вался внутри тревожным эхом. Коридор словно удлинялся, уходя вглубь усадьбы, туда, где он ещё ни разу не был.

Он остановился у двери. Она была закрыта, но из-под неё пробивался ослепительно яркий свет — не тёплый, не уютный, а резкий, больничный. Виктор замер. В груди возникло странное чувство — не страх даже, а понимание: *хуже он уже видел*. Или ему только так казалось. Он взялся за ручку и открыл дверь, и всё равно оказался не готов.

Это была не комната, скорее — камера. Белая, выложенная плиткой, покрытой трещинами, словно время пыталось выбраться наружу. Под потолком мерцала лампа, издавая тонкий, нервный звук. Свет бил в глаза так сильно, что Виктор инстинктивно прикрыл их ладонью. Посреди помещения стояли две койки. На одной — он сам. Тот же силуэт, то же лицо. Тело лежало неподвижно, подключённое к аппаратуре, экран которой равномерно отсчитывал удары сердца. Виктор сделал шаг вперёд, не чувствуя пола под ногами. На второй койке лежала девушка с пепельными волосами. Между койками тянулись провода, сходясь в аппаратах, связывая их в одно целое. Мониторы тихо пищали, поддерживая искусственный порядок в этом стерильном аду. Свет был настолько ярким, что вырывался в коридор. Виктор резко обернулся, закрыл дверь за собой и даже проверил замок — не из страха быть пойманным, а потому что это место не должно было быть увидено. Если бы кто-то и вошёл сюда, он бы понял: Виктор не выдумал это.

Он остался внутри, один. С двумя телами. И с ощущением, что он переступил границу, после которой обратного пути уже не существует. Белый свет резал глаза. Лампа под потолком мерцала, издавая тонкий, нервный писк, похожий на писк насекомого, застрявшего в стекле. Воздух пах металлом, стерильностью и холодом. Виктор сделал шаг вперёд. Босые ступни коснулись ледяной плитки, и по телу пробежала дрожь. Он разглядывал себя. Не отражение — тело. Тот же шрам над бровью. Та же линия плеч. Та же пижама. Грудь медленно поднималась и опускалась, а рядом аппарат равномерно отсчитывал удары сердца.

— Это... невозможно, — прошептал Виктор.

Экран мигнул. Линия пульса дрогнула — словно комната услышала его голос. Он перевёл взгляд на вторую койку. Девушка с пепельными волосами лежала неподвижно. Лицо спокойное, почти умиротворённое, она просто спала. Свет делал её кожу почти прозрачной. Ресницы отбрасывали тонкие тени, губы были слегка приоткрыты собираясь что-то сказать, но так и не решилась. Виктор смотрел, не в силах осмыслить увиденное, когда за его спиной раздался голос:

— Состояние стабильное.

Мимо него прошёл пожилой мужчина в медицинском халате с планшетом в руках. Он не смотрел на Виктора — будто тот был пустым местом. Доктор остановился у койки и начал что-то записывать. Рядом шёл молодой ассистент.

— Генри, проверь показатели нейронной синхронизации, — спокойно сказал доктор.

— Да, сэр.

Ассистент поколебался, затем спросил:

— Доктор Хоукинс... почему именно они?

Мужчина не сразу ответил.

— Потому что они — результат, — произнёс он наконец. — Годы работы. Их готовили с самого начала. Они — ключ.

— Но... — Генри замялся. — Это же невозможно. Медицина отрицает подобные связи. Создать такую синхронизацию... сделать двух людей одним целым...

— Именно поэтому мы здесь, — перебил Хоукинс. — Страны принимают нас, наши идеи. У них нет того, что есть у нас.

— Но как родители, осмелились на такое. Отдать детей, как подопытных

— Ты ещё молод, Генри. Со временем ты все поймёшь.

Голоса начали искажаться, будто уходили под воду. Виктор немного отвлёкся — и комната опустела. Ни докторов. Ни шагов. Он остался один. Внезапно он заметил движение. Пальцы девушки дрогнули, совсем слегка. Виктор сделал шаг ближе, не дыша. Он протянул руку к её ладони — медленно, осторожно.

В этот миг её пальцы сомкнулись вокруг его запястья. Хватка была неожиданно сильной. Виктор дёрнулся, вырвался и отшатнулся назад, потеряв равновесие. Он упал на холодный пол. Девушка выпала из койки. Её лицо изменилось — не искажённое, не чудовищное, но пустое. Глаза были широко раскрыты, взгляд — неподвижный, лишённый жизни. Она медленно сползла с койки и начала приближаться к нему, опираясь на руки. Виктор попятился, судорожно схватился за дверную ручку — она не поддавалась. Лампа над головой замигала чаще. Писк стал резче, громче, затем свет погас. Наступила абсолютная тьма. Он слышал только собственное дыхание — прерывистое, паническое. И вдруг почувствовал прикосновение. Холодные пальцы коснулись его щеки. Медленно, почти ласково. Виктор зажмурился, и в этот момент свет вспыхнул вновь. Комната была пуста. Ни коек. Ни аппаратуры. Ни девушки. На этот раз дверная ручка легко поддалась. Виктор распахнул дверь и выбежал прочь, не оглядываясь, оставляя за собой место, которого — он был уверен — не должно существовать. Виктор вылетел из комнаты и почти сразу врезался в кого-то. Толчок был не сильный, но неожиданности хватило — фигура перед ним пошатнулась.

— Смотри, куда бежишь, юноша! — хрипло произнёс старик.

— Простите... — выдохнул Виктор. — Я вас не заметил.

Старик приподнял лампу, и жёлтый свет вырвал из темноты его лицо.

— Куда ты так нёсся, словно призрака увидел?

— Именно так! — Виктор сглотнул. — Там... за дверью... кто-то был. Что-то было.

Старик молча приблизился и поднял лампу ближе к лицу Виктора. Прищурился, изучая его — не как нарушителя, а как человека, которого пытаются поймать на лжи.

— Хм... — протянул он. — А ты знаешь, который сейчас час?

Виктор замялся.

— Отбой уже давно был. Почему ты не в своей постели?

— Я услышал шум и решил проверить. Клянусь, сэр, за той дверью кто-то есть. Не просто шум...

Старик опустил лампу.

— Даже если так, — спокойно сказал он, — подобные вещи оставляют для стражи. Или для меня.

— Хорошо, сэр... — Виктор кивнул и вдруг спохватился: — Простите... а вы кто?

Старик хмыкнул.

— Я здесь давно работаю. Местный сторож. Слежу, чтобы никто по ночам не шатался. За порядком, значит.

— Извините, я новенький. Раньше вас не видел.

— Ничего. — он повернулся. — Ну что, пойдём посмотрим на твоего призрака?

Виктор неуверенно кивнул. Старик пошёл первым, освещая путь лампой. Виктор держался чуть позади. Старик был невысокого роста, с заметным горбом. Волос почти не осталось, лицо — всё в морщинах, словно его высекло временем. Они дошли до класса. Сторож медленно повернул ручку и приоткрыл дверь. Лампа осветила пустую комнату: парты, доска, тени по углам. Ничего больше.

— Не может быть... — прошептал Виктор. — Я точно видел... там было что-то.

— Скорее всего, показалось, сынок, — спокойно ответил старик. — Или приснилось. Такое бывает, с такими детьми.

— С какими... детьми? — насторожился Виктор. Старик посмотрел на него долго и странно — слишком внимательно.

— Пойдём, — сказал он наконец и вышел в коридор. — Я провожу тебя.

Виктору ничего не оставалось, кроме как идти следом. По дороге они прошли мимо кабинета, где ранее горел свет. Где он застал Дерека и миссис Лилию. Теперь там было темно. Виктор не мог понять — было ли всё, что он видел, наяву или лишь игрой разума.

— Прекращай блуждать по ночам, — бросил сторож.

— Простите. Больше не повторится.

— Ночью нужно спать, — сказал старик глухо. — Ночью ходят грешники. А дьявол... он любит, когда люди не спят. От этих слов Виктора передёрнуло. Наконец они остановились у двери его комнаты.

— Спасибо, сэръ... — Виктор замялся. — А как вас зовут?

Старик приподнял лампу.

— Филч, — сказал он. — Старый Филч.

— Спасибо вам, мистер Филч.

— Не за что. — Он развернулся, но вдруг добавил: — И будет лучше, если ты никому не расскажешь про эту ночь. И про меня.

— В каком смысле?..

— Я не скажу, что видел тебя. А ты не будешь говорить, что видел меня.

Виктор медленно кивнул.

— Ладно...

Филч сделал несколько шагов, затем что-то вспомнил и остановился.

— Ах да. Не забудь завтра зайти к медсестре.

— Зачем?

— Не забудь, — повторил он.

Жёлтый свет лампы медленно исчез в глубине коридора, словно его никогда и не было. А Виктор ещё долго стоял у двери, чувствуя, что эта ночь не закончилась — она просто затаилась.

Утро пришло внезапно. Без сна, без сновидений — просто резкий свет за окном и звон, разрезающий тишину усадьбы. Виктор открыл глаза и несколько секунд не мог понять, где он. Он сел на кровать и машинально коснулся шеи.

— Ты жив? — пробормотал сонный Уилл с соседней кровати. — Рекорд. Обычно ты просыпаешься как после войны.

— Почти так и было. — Вчера ночью, я видел такое... даже не знаю, сон это был или реальность.

— Такое бывает, в новом месте. По началу, страшные сны тоже меня тревожили.

— Что-то я сомневаюсь что это был сон.

— Тогда предлагаю, пойти на завтрак и поесть. Чтобы привести себя в норму.

— Ты иди, мне нужно ещё зайти к медсестре.

Через полчаса он уже сидел в больничном крыле. Белые стены, запах спирта. Медсестра осматривала его, — держала в руке маленький фонарик.

— Посмотрите на меня.

Свет ударил в глаза.

— Так... хорошо. Теперь в другую сторону.

Виктор моргнул, ощущая лёгкое головокружение.

— Рот откройте.

Он послушно открыл. Медсестра мельком осмотрела, кивнула и сделала пометку в карточке.

— Голова кружится?

— Иногда.

— Тошнота?

— Нет.

— Провалы в памяти?

— ...нет.

Она подняла на него взгляд, словно проверяя не слова, а то, *как* он их произносит.

— Всё это похоже на нервное перенапряжение, — сказала она наконец. — Первый день, стресс, переутомление. Ничего критичного.

— То есть... со мной всё в порядке? — спросил Виктор, не зная, рад ли он этому.

— Физически — да. — Она убрала фонарик. — Но вам нужен покой. И полноценный сон.

В стороне, у стены, стояла Мария. Она не вмешивалась. Её взгляд был спокойным, но слишком внимательным — таким смотрят не на пациента, а на проблему, которая ещё не оформилась.

— Спасибо, — сказала она медсестре. — Если что-то изменится — сразу сообщите.

— Разумеется, директор.

— Вам правда лучше избегать волнений, Виктор, — произнесла Мария.

— Скорее всего, это нервы, — продолжила медсестра. — Переезд, стресс, драка, недосып. Для первого дня — неудивительно.

Она закрыла карточку и вдруг добавила, словно между делом:

— Когда, кстати, прибудет доктор Хоукинс?

Имя прозвучало как удар. Виктор едва заметно пошатнулся, будто пол под ним на секунду стал мягким. *Хоукинс.* Значит, он не выдумал. Значит, голоса были настоящими.

— Примерно через две недели, — ответила Мария. — У него небольшие сложности с документами, но он скоро будет здесь. Не переживайте.

— Понимаю, — кивнула медсестра.

Она что-то быстро записала в белую папку и передала её Марии. Виктор успел заметить край листа, несколько строк и крупную подпись, прежде чем папка закрылась.

Мария перевела взгляд на него.

— Как закончишь, зайди ко мне в кабинет.

— Хорошо, — ответил Виктор, всё ещё ощущая гул в ушах.

Мария вышла, оставив после себя странное ощущение недоказанности. Медсестра подошла к шкафчику, достала небольшой пузырёк, налила прозрачную жидкость в мерный стаканчик и протянула Виктору.

— Выпейте.

— Что это? — спросил он, нахмурившись.

— Для нервов. Поможет успокоиться.

Он выпил залпом. Жидкость оказалась горькой, почти жгучей. Виктор поморщился.

— Можете быть свободны, — сказала медсестра уже мягче. — И постарайтесь сегодня не перенапрягаться.

— Спасибо, — тихо ответил он.

Виктор вышел из больничного крыла. Теперь он знал точно: то, что произошло ночью, не было сном, и имя доктора Хоукинса стало первым доказательством.

Кабинет директора встретил Виктора тишиной и запахом старой бумаги. Мария стояла у высокого шкафа с документами. Полки были забиты папками — аккуратными, подписанными, разного цвета. Одну из них, ту самую белую папку из больничного крыла, она положила на верхнюю полку и закрыла дверцу.

— Присаживайся, Виктор. Я сейчас, — сказала она, не оборачиваясь.

Он задержал взгляд на шкафу всего на пару секунд, затем сел на стул напротив стола. Мария провернула ключ в замке, убрала его в карман и подошла к столу. Достала чайник и начала медленно разливать чай в небольшую фарфоровую чашку.

— Нет, спасибо, — автоматически сказал Виктор.

— Это я себе, — спокойно ответила она.

— Ой... ладно.

Мария села в кресло, взяла чашку обеими руками.

— Виктор, — наконец начала она, — ты всего несколько дней в нашей школе, а разговоров о тебе уже больше, чем обычно.

Он отвёл взгляд.

— Кто-то тебя хвалит, кто-то — недоволен. Это нормально. Но... — она сделала паузу, — мне уже доложили, что ты успел подраться с Дерексом.

— Вы же знаете его характер. — Думаете, я искал драку?

— Конечно нет. — Я хорошо знаю Дерекса. И уверена, что начал он. С ним уже провели беседу

— Сомневаюсь, что это поможет.

Мария не стала заострять внимание.

— Ты умный мальчик, Виктор. Ты способен учиться на отлично, получить грант школы, добиться многого. Но дисциплина... — она посмотрела прямо на него, — с этим у тебя проблемы.

— С чего такие выводы?

— Мистер Крауч был у меня сегодня. — Он рассказал, что ты зашёл в его комнату и копался в его вещах.

Виктор приподнял брови.

— Думаете, я вор?

— Конечно нет, — тут же сказала Мария. — Он объяснил, что ты услышал шум и увидел разбросанные бумаги.

— И всё? — уточнил Виктор.

— Да. Больше ничего.

Виктор едва заметно усмехнулся, вспомнив, как Крауч прижимал его к стене, сжимая горло.

— Он попросил не наказывать тебя, — продолжила Мария. — А просто провести беседу.

— Как благородно, — пробормотал Виктор.

— Послушай, — Мария вздохнула. — Я действительно хочу тебе помочь. Но ты словно сам ищешь неприятности. Почему? У тебя есть проблемы?

— Никаких проблем нет, директор.

Мария устало выдохнула.

— Хорошо. Надеюсь, это наш последний подобный разговор. В следующий раз я уже не смогу тебя прикрыть.

— Мне и не нужно. — Я сам о себе позабочусь.

Он замолчал, но один вопрос не давал ему покоя.

— Миссис Мария... можно спросить?

— Конечно.

— Доктор Хоукинс. Кто он?

Мария слегка удивилась.

— Главный врач нашей школы. Ты слышал, что он сейчас в отъезде.

— Да. И давно он здесь работает?

— Примерно столько же, сколько и я. — Она внимательно посмотрела на Виктора. — Если ты из-за него волнуешься — не стоит. Он отличный специалист.

— А у него есть ассистент? — тихо спросил Виктор. — По-моему, его зовут Генри.

Мария нахмурилась.

— Ассистент? Нет. Таких у нас нет.

В голове Виктора всё окончательно спуталось. Хоукинс существует. Генри — нет. Ночная операционная была, но затем оказался там, обычный класс. Остаётся только один вариант... Дерек.

— Виктор? — окликнула Мария. — Всё в порядке?

— Да. Всё отлично.

— Тогда можешь идти. Сегодня выходной. Отдохни.

— Выходной? — удивился он.

— Сегодня годовщина города. — Обычно устраивают праздник — карнавал, танцы, салют.

— Обычно?

— В этом году мы решили отказаться. — Она помолчала. — Из-за происшествия.

— Авроры? — осторожно спросил Виктор.

Лицо Марии стало жёстче.

— Да. Послушай Виктор...

Она хотела сказать что-то ещё, но в этот момент дверь распахнулась. В кабинет вошёл солдат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.